SUPER
издательство

Взрослым обязательно нужно слушать и читать сказки, от этого они становятся добрыми, а их дети счастливыми. А если читать и слушать мудрые сказки вместе, то оба становятся добрыми, счастливыми и мудрыми

Евгения Хамуляк

Школьные сказки

Санкт-Петербург
Издательство Супер
2016

УДК 398.21
ББК 84.2(2Рос=Рус)-442
Х 18

Редактор: В. Марышева
Корректор: В. Марышева
Оригинал-макет: Д. Штыкова
Обложка: М. Бобкова
Иллюстрации: А. Батурина,
Н.Иконникова

Хамуляк Евгения
Х 18 Школьные сказки : сказки / Евгения Хамуляк. – Санкт-Петербург. : Издательство Супер, 2016. – 178 с.

ISBN 978-5-9906352-2-7

«Школьные сказки» Евгении Хамуляк – это сборник сказочных, а порой, и не сказочных историй, про разных учеников и их любящих родителей, мудрых педагогов, друзей и одноклассников, которым приходится на себе проверять чего стоит дружба, различать добрые и злые поступки, понимать себя и других, ценить историю и традиции, любить родину и своих близких.

Это поучительные рассказы для подростков и про подростков, однако, даже взрослые здесь обязательно узнают себя, ведь в душе многие из нас до сих пор остаются все теми же мальчишками и девчонками, которые верят в Деда Мороза и волшебство, и обожают истории с хорошим концом.

КВЕСТ: Друзья! Определите к какой сказке относятся иллюстрации, которые мы специально перемешали между собой. Подумайте, какую именно сцену описывает каждая картинка.

Удачи!

ISBN 978-5-9906352-2-7
© Евгения Хамуляк, 2016
© Издательство «Супер», 2016

От автора

«Школьная обязаловка». О чем эта история? Если коротко, то о Великой Отечественной войне. А если более развернуто, то это рассказ об одной обычной на первый взгляд школьной обязаловке – внеклассном занятии, на которое пригласили бабушку-ветерана, чтобы она поведала нерадивым ученикам-подросткам о тяжелых событиях во время войны, с которыми пришлось столкнуться селянам… И что она такого им рассказала, что после встречи хулиганы и прогульщики превратились в добрых ребят, понимающих, как важно знать и чтить свою историю?..

«Славная Галя, или Новогоднее Желание». Главная героиня этой сказки – хорошая, добрая девочка по имени Галя, у которой много друзей и знакомых, но самое ценное и дорогое у нее – это ее замечательный папа, помощник и советчик в трудных делах, который рассказывает дочке, как отличить настоящую дружбу от обычного приятельства, а также как вырасти хорошим, верным товарищем. Например таким, каким является лучший друг папы – мама. Ну, и Новогодняя история не обходится без вмешательства волшебства.

«Бедная, бедная Саша и бедная, бедная Лиза». Это не сказка и не повесть, а настоящий школьный детектив, где мудрая пожилая учительница Михеева Ва-

лентина Алексеевна потихоньку распутывает клубок проблем и недоразумений, вызванных нехорошим поведением выпускниц одиннадцатого «В» Худовой Саши и Неугодниковой Лизы. Что же такого натворили девочки? И почему отличницы и отличники первого колледжа страны не поедут на Бейкер-стрит, 226 в гости к лучшему сыщику всех времен и народов?

«Верино счастье». У всех счастье, несомненно, разное. Для кого-то это удачный шопинг, кому-то – победа любимого чемпиона, кому-то – подарки или приглашение сниматься в кино. Но для всех нас, чего бы мы ни желали, всегда основной составляющей счастья будет дружная и любящая семья!

И в этом еще раз убеждает нас сочинение одиннадцатилетней девочки Веры Прошкиной.

«Алиса и Волшебный Папоротник». Одна очень впечатлительная фантазерка, думающая, что является настоящей черной ведьмой, решает идти ночью в дремучий лес, чтобы найти там Волшебный Папоротник, который исполняет любое сокровенное желание. Например, может сделать так, чтобы у мамы было всегда хорошее настроение и она прожила тысячу лет.

Необычная сказка о том, как детям трудно бывает порой понять сложную жизнь родителей.

«Приключения Славика Вселенского». Славик живет в детдоме и точно знает, что у его родителей был очень веский повод оставить его здесь на время. И что они его ищут! И он их тоже ищет! Парню уже целых одиннадцать лет, и он самый лучший ученик в классе, много читает и знает и оттого иногда приводит в замешательство учителей своими странными вопросами. Об этом-то поиске себя и своей судьбы, перемешанном с мальчишечьими переживаниями, собственно, и идет речь в этой философской сказке с хорошим концом.

Школьная обязаловка

Суббота прекрасного майского денька для учеников предпоследнего, десятого «Б» класса Вадика Сидорова, Жени Цаплиной, Димы Субботина и Антона Артамонова не задалась с самого утра. В прошлом месяце они прогуляли внеклассную встречу с ветеранами Великой Отечественной войны, когда пришедшие бабушки и дедушки рассказывали о своих подвигах и показывали медали и награды. Ничего особенного – ежегодная встреча накануне большого праздника, всего-то двадцатиминутное мероприятие, которое обычно, конечно же, растягивалось, потому что разные умники начинали задавать вопросы. Однако только двадцать минут утра субботы было официальной обязаловкой, после которой все желающие могли бежать по своим делам.

Все злились на Артамона, точнее Антона Артамонова, который тогда подговорил не идти на обязаловку, и теперь в наказание директор школы, а по совместительству классный руководитель 10 «Б» Войнова Валентина Фридриховна, устроила для ребят в беспрекословном порядке личную часовую встречу с ветераном.

Великолепный солнечный день за пыльным окном предвещал смертную скуку, и все присут-

ствующие бросали злобные взгляды на Артамона. Антон отбрехивался, но ясно понимал, что тогда лоханулся с побегом.

– Ребята, ветеран придет с минуты на минуту, – сказала Валентина Фридриховна, показавшись в дверях класса, где уныло сидели прогульщики.

Каждый грустно думал о том, как бы он провел этот день: проспать до часу дня, пошататься по дюнам, телек тупо посмотреть. Однако все они явились в школу, так как вопрос, поставленный директором, стоял ребром: или – встреча, или – вон из школы с волчьим билетом. А с таким поворотом даже в ПТУ не возьмут на слесаря. Остается пацанам вагоны разгружать, пока спина не треснет, как у Димкиного отца, а Женьке – на рынке торговать помидорами да мандаринами, как ее мамка тетя Ксана делает.

– Коза немецкая, – зло выругалась Женя.

Вдруг дверь вновь открылась, пропуская в класс пожилую женщину. Двигалась она грузно и дышала тяжело, однако, оглядывая обстановку, светло улыбалась. За ней следовали директриса и маленький мальчик дошкольного возраста.

Не здороваясь с вошедшими, ребята стали возмущаться.

– А время опоздания ветерана засчитывается в этот час каторги? – невежливо спросил Субботин Дима.

– Сядьте и замолчите, – тихо, но жестко отдернула Валентина Фридриховна, морщась от неприкрытого подросткового хамства. – Тебя, Субботин, медведи в лесу воспитывали?!

Ветеранша будто не замечала переполоха. Переводя дыхание, она тяжело опустилась на приготовленный для нее у доски посередине стул и дру-

желюбно разглядывала лица присутствующих. В ее голубых, почти прозрачных глазах читалось благодушие. И даже прогульщики, морщась от предстоящего тягостного урока памяти героев войны, все-таки уселись за парты и замолчали.

– Итак, уважаемая Балашова Мария Степановна приглашена нашей школой рассказать вам, как простые люди боролись с фашизмом и победили его силой своего духа, чтобы вы никогда не знали ужасов войны и не забыли тех, кому обязаны жизнью, – осуждающе глядя в лица учеников, произнесла Валентина Фридриховна и, тяжело вздохнув, вышла из класса вместе с мальчиком.

Наступила тишина. Вдруг Вадик толкнул Антона в бок и громко сказал:

– Артамон, ну спроси бабулю о фашистах…

– Сидор, ты задолбал! – огрызнулся пацан, но, глядя на ветераншу, все-таки спросил: – Ну, а какие они, фашисты? Страшные?

Все дружно захихикали.

– Да не сказать… На вас были похожи, – наивно ответила бабушка.

– Понял, Сидор, ты – фашист! – заржал Субботин.

– Да не в том плане, – добавила Мария Степановна, – когда к нам в деревню они пожаловали летней ночью сорок четвертого, я вышла на улицу, не спалось что-то. Глядь, стоят четыре тени. Поначалу я испугалась, за вурдалаков их приняла, но присмотрелась – фашисты в форме и касках с автоматами. И подумалось мне тогда: «Лица-то то у них заколдованные». Вот прям как у вас сейчас. Я ведь такое сразу вижу.

Деревенька маленькая у нас, дворов двадцать, из каждого дома по одному мужику взрослому ушло, только бабы одни остались. Так двадцать баб

со скарбом да семейством и осталось родину малую защищать. Мы, конечно же, ждали, что нагрянут окаянные, ведь на границе село располагалось. С одной стороны – наши воюют, с другой – фашисты проклятые. Вот и пришло время.

В общем, смотрю в лица их заколдованные и вижу, что передо мною просто ребята молодые стоят, «зеленые» совсем. Ну, я им рукой показываю, мол, пойдемте, что зря шум поднимать, детей будить. И повела их в сарай, где корова Дочка с теленком располагались. Пришли, – почесала нос Мария Степановна, разглядывая заинтересованные лица подростков, – сели на скамьи, ну, и язык давай меня расспрашивать…

– Подожди, бабуль, не гони, – встрял Субботин Дима, – какой язык?

– Языком звали человека, который мог на разных языках изъясняться, ну, чтоб обстановку разузнать, у военнопленных секреты выпытывать перед пытками или перед расстрелом приговор озвучить.

– Перед пытками? – переспросила Женя Цаплина, недоверчиво морщась, будто ее кто-то ущипнул.

– Ну так война, деточка. Пытали, били, насиловали, расстреливали почем зря. Некоторые сразу же фашистам сдавались, боясь истязаний, таких немцы не трогали. Да после войны зато свои находили предателей и расправлялись за измену. Уж лучше в войну было помереть достойно за своих, чем в мирное время – от руки родных за слабость.

– Ну, хватит вопросов! – возмутился Сидоров. – Продолжайте, пожалуйста, что там дальше было с фашистами.

– Я так поняла, что ребята совсем молодые, неопытные. Может быть, даже первое задание выпол-

няли. Ведь на поле боя, что недалеко от деревеньки располагалось, много померло в битвах, поэтому и послали за провизией да данными тех, кто жив остался. Стал язык расспрашивать, мол, сколько здоровых мужчин в деревне, сколько оружия, патронов. Я ему отвечаю, что мужья ушли на фронт, остались только бабы. Оружия, кроме вил, нет. Язык говорит: «Ты врешь. Разведка давеча донесла, что видела в окуляры свои спецформу на территории». Тут я вспомнила. Действительно, мы с женщинами после каждого боя наведывались на поле битвы, искали раненых, но попадались все мертвые. Тогда искали знакомых с той или иной деревни, приносили их домой и складывали в ледник, чтоб потом в семью вернуть, дабы не мучились родные, не искали своих сыновей по братским могилам. Вот, видимо, форма и засветилась. Много погибших перенесли. Он мне опять: «Врешь». А я ему: русские не врут. Да и вам, ребята в живых недолго ходить осталось. С таким колдовством и мороком в голове тоже скоренько в сырой земле лежать окажетесь. Стал язык переводить остальным сказанное, стали они совещаться, что со мною сотворить недоброе. Ну а я знай свое продолжаю. Говорю, у кого сердце заколдованное – тому везет поначалу, а потом все равно могила позовет. Язык как крикнет: «Замолчи, ведьма!» «Так мы все русские – ведьмаки и ведьмы, потому никогда и никому нас победить не удается. Ибо кто русской крови коснется – сам русским становится. А против себя – не пойдешь, как известно. Вот и вы войну проиграете, милые, и будем вместе с вами за одним столом победу великую праздновать. Русские с русскими». Они принялись надо мною смеяться. «Как это русские деревенщины мо-

гут против вооруженной танками профессиональной армии воевать и выиграть, которая специально обучалась и планы строила нападения?!» «Такое вот колдовство сильное, ребята. До вас французы пробовали, до них – басурмане. Все одно. Хочешь – не хочешь, а если хоть капля русской крови коснется – наутро русским душой просыпаешься. А не веришь, подойди сюда, бугай, – это я языка позвала. – Коли не трус, сам увидишь».

И хотела Мария Степановна дальше продолжать, но дверь в классе открылась и показалась Валентина Фридриховна.

– Ребята, время беседы истекло. Вы все свободны.

– Подождите, Валентина Фридриховна, Мария Степановна не дорассказала, – завозмущались старшеклассники.

– Ну, если уважаемый ветеран войны не торопится…

– Да куда уж мне торопиться, – весело рассмеялась бабуля.

– Ну ладно, – слегка удивленно сказала директор и закрыла за собой дверь.

Ребята придвинулись поближе.

– Ну и что там дальше было? – Вадик деловито потер руки в предвкушении развязки.

Мария Степановна вздохнула, закрыла глаза, будто вновь возвращаясь в прошлое.

– Подошел он ко мне ухмыляясь, протянул руку. Я достала булавку из волос моих, которые тут же рассыпались волнами пшеничными по плечам, посмотрела в глаза его заколдованные…

И Мария Степановна вдруг открыла глаза затуманенные, в никуда смотрящие таинственно, от взгляда

такого проникновенного всех присутствующих словно холодом обдало, по рукам и по телу побежали мурашки.

– Не боялся фриц боли, не вскрикнул, только дернулся от укола. Проткнула и свой палец, выдавила вторую капельку в чарку, что неподалеку от кадушки с водой колодезной стояла. Положила земли крупицу, сена душистого соломинку, волосом своим размешала все хорошо, ну, и, чтоб фашисты не заподозрили чего неладного, первой глотнула, им чарку передавая. Смеялся бугай да выпил. «Теперь живой с войны придешь»…

– Извините, – встряла девушка Женя, – он, когда выпил вашу кровь, это типа вы его инициировали, как вампира?

Посмотрела Мария Степановна на девушку и усмехнулась по-доброму:

– Хорошая ты, Женечка, большая выдумщица, как погляжу. Писательница из тебя выйдет замечательная!.. В общем, закурила травы горькие, что под потолком висели, мною на заре росной собранные. Заговорила заговоры древние, землей через уста матушки с колыбели напетые. Остальные тоже отпили чуток и уснули все мертвецким сном.

– Ух ты! Я так и знал! Ну, вы, блин, даете! – воскликнули Антон и Вадик.

– Вы их загипнотизировали? Это была ловушка, да?!– раззадорился Дима.

– Ну, вроде того, – кивнула Мария Степановна.

– А дальше что было? – спросила взволнованно Цаплина Женя.

– А дальше мы с моими подругами перетащили спящих в ледник, где растерзанные тела советских солдат лежали, жизнь отдавшие, чтоб мы с вами живыми остались и могли разговоры разговаривать, учиться, рабо-

тать и счастью радоваться. Наутро проснулись фрицы, а вокруг оторванные руки-ноги лежат, головы с белесыми глазами наших ребят с укором смотрят. И запах смерти стоит невыносимый. Закрыли мы их, чтоб они внимательно в эти глаза посмотрели. И свершилось чародейство: завыли молодчики нечеловеческими голосами, а к вечеру затихли, опять в людей превращаясь.

Открыли мы их с бабами к ночи звездной, вилы наготове держа, ибо сама до конца я не верила, что фашист вновь человеком стать сможет. Однако зря сомневалась: вышли, в пояс поклонясь, а потом и вовсе пали на колени, слезами горькими обливаясь, прощения прося. И спросил меня бугай, чем они могут милость заслужить. Как могут оправдаться перед невинными? Подумали мы с женщинами и вот как решили: с каждого дома по одному кормильцу убыло, осиротели дети, овдовели жены. Зима впереди и голод с холодом. Не переживет деревенька такого испытания. А это большая несправедливость. Поэтому эти четверо должны уравновесить миропорядок: остаться навсегда в наших краях, возместить ущерб и горе трудом честным и с собой привести еще шестнадцать сильных, крепких, верных помощников. Таким образом горе закончится и все на свои места встанет.

Ребята сидели не шелохнувшись, с таким изумленным видом, что никто из них даже не обратил внимания, что за окном давно стемнело.

А Мария Степановна неожиданно посмотрела испытующе на Антона глазами своими добрыми, голубыми-голубыми:

– Голова болит? – спросила она, разглядывая бордовые пятна на лбу.

А у старшеклассника и в самом деле раскалывалась голова: вчера вечеринка у него дома закончилась распи-

тием родительского арсенала, состоявшего из двух бутылок коньяка, привезенных из поездки в Дербент, и одной бутылки водки. Оттого с утра будто металлическим обручем скрутило лоб и пошли эти предательские багровые пятна, портящие его красивое юношеское лицо.

– Немного, – промямлил мальчик.

Мария Степановна вытянула вперед руку, растопырив мозолистые трудовые пальцы, покрытые старческими пятнами, а Антон уставился на ее открывшуюся ладонь. А была она очень интересная: глубокие линии бороздили мозолистые бугры, сходясь посередине в большую многоконечную звезду. Вдруг Антону показалось, что линии задвигались и впрямь стали между собой соединиться в разнообразные крестики и звездочки, которые вспыхивали голубым сиянием. Он не мог отвезти взгляд от такого волшебного зрелища.

– Знаешь ли ты, Антоша, что значит счастливым быть? – спросила Мария Степановна.

– Не знаю, – безвольно проговорил старшеклассник.

– Это означает – знать и помнить, кто ты есть на самом деле. Откуда ты родом и кто твои родные, их история. Гордиться и любить место рождения – свою землю и страну. Уважать крепко отца и мать и старших… Всему вопреки идти вперед с открытым сердцем. И как только это получается, человек становится счастливым. Но самое главное, Антон, запомни: русский человек не должен пить, иначе он забывает все это. И чем больше пьет, тем больше становится похожим на врага своего. И тогда никто его не сможет спасти от самого себя. Ибо враг селится внутри, а против себя не пойдешь, как известно. Таких людей легко видно, начинают они ругаться и поносить мать и отца своего, жену и детей, землю, где родился. И умрет он от усталости и жалости к себе. Очень горькая судьба, как та водка…

– А может он назад вернуться? Себя спасти, если поймет? – вдруг глаза Антона наполнились нечаянными слезами, которых он будто не замечая, смахнул в сторону.

Остальные ребята тоже устремили внимательные взгляды на мудрую женщину, ожидая ответа

– Кто-то должен ему пример показать, шаг первым сделать из омута поганого. Путеводной звездой стать. И тогда, возможно, свет от звезды высветит путь для заколдованного человека. Но помни, нельзя ошибиться. Один раз обернешься – никогда не вернешься! Как в сказке.

– А женщина русская что должна делать для счастья? – робко спросила Женя.

– Доброй должна быть и другим помогать. Взрослых уважать, младших не обижать, дружить уметь, за хозяйством следить, чтоб дом был полная чаша. Да вы лучше меня должны все это знать, если в школу каждый день ходите и не прогуливаете, – улыбнулась сердечно ветеран войны и пальцем своим в лоб Антона Артамонова ткнула, от чего он обалдел слегка, а потом за голову схватился, очки на пол роняя. – НЕ БОЛИТ!

– Не болит! Ну и чудеса! – воскликнул парень, вставая.

– Да разве это чудеса? Вот влюбишься, тогда чудеса начнутся. Хороший ты парень, Антошка. Голова у тебя светлая, лоб большой, глаза милые. Тебе б эти самые, как их там, компутеры чинить.

Изумленно переглядывались ребята меж собой. Вдруг Дима не выдержал:

– А что с немцами стало после войны?

– Судили их, как и положено, но за помощь народу-освободителю отпустили после двух лет каторжных работ. И вернулись они домой живыми. Все двадцать молодцов крепких.

– Да… Дела, – не расходились ребята после такого рассказа.

Встала со своего места Мария Степановна, нечаянно забренчало что-то.

– Ой, да вы ж нам про медали не рассказали, – вспомнила Женя.

– Да про медали в другой раз, – махнула рукой ветеранша.

– Ну, хоть просто покажите, – попросил Вадик.

Мария Степановна расстегнула пиджак, и ребята ахнули. Вся грудь до самого пояса была увешана наградами, медалями и значками.

– За храбрость… – читал Вадик.

– За подвиг… – читала Женя.

– За мужество… – Дима

– За верность…– Антон.

– Да, было времечко – потрудились малек, – улыбнулась Мария Степановна, глядя в светлые детские лица, по которым блуждали лучики от сверкающих наград.

– А как же вы не испугались?

– Так отступать некуда было! Немцы-то, небось, у себя на неметчине живут, у них свои там защитницы. А у нас кроме себя никого не было. Так что, бойся – не бойся, а вперед! За Родину! – и кулак задорно вверх подняла. – Ну что, ребята, давайте прощаться. Приятно было познакомиться, побеседовать. Хорошие вы, любознательные, вон до ночи старушку продержали. Ну, с наступающим праздником 9 мая! Не забывайте стариков. Поздравьте и своих бабушек и дедушек. Победа над фашизмом – общая, все участвовали, кто чем мог. Всем поклон. Ну, бывайте, – и, махнув рукой, пошла к выходу.

– До свидания, – кричали в след старшеклассники, а глянув в окно, обомлели от удивления. Часов десять просидели в классе, не меньше, даже на минуту не отвлеклись от сказок ветеранши. Ну и ну!

***

– Ну, что скажешь? Могу я надеяться? – с надеждой спросила с порога Валентина Фридриховна, которая все это время просидела в своем кабинете.

– Хорошие ребята, Валя, не беспокойся, – кивнула Балашова Мария Степановна. – Мне бы с их родителями встретиться. Понимаешь, Валь, плохих детей не бывает. Дети – лишь отражение.

– Хорошая идея, мам! Обязательно сделаем родительское собрание с ветеранами. Позовем и тетю Марусю, и тетю Галю, и дядю Олафа. Если хороший резонанс даст – я вынесу предложение на уровень ГОРОНО, – замечталась Валентина Фридриховна.

– Бабушка, – тихонько потянул за пиджак сидевший недалеко мальчик. – А ты чего там этим ребятам понарассказывала? Какая трава? Какие вилы? Ты ж совсем про танк отбитый и про госпиталь в избе организованный даже ничего не сказала.

– Германчик, – весело щелкнула по носу Мария Степановна мальчишку, – ты давай бабулю не учи сказки рассказывать. Мал еще!

И, встряхнув плечами, как ни в чем не бывало, легкой походкой, словно девчонка, попрыгала на одной ноге к выходу.

Конец сказочки

Славная Галя, или Новогоднее Желание

Жила-была на свете одна девочка, и звали ее Галя. Кто бы на нее ни посмотрел, тот сразу же говорил: «Какая славная девочка». Симпатичная, складная, словно кукла: глазки – бусинки, щечки – персики, губки – бантиком, волосики – локонами. А была она такая славная, потому что ее мама с папой очень сильно любили и хорошо воспитывали: старших уважать, младших не обижать, папу с мамой, бабушками и дедушками любить, за собой убирать, не ябедничать, не врать, ну, и руки перед обедом мыть с мылом как следует.

Хотя бывало, конечно, Галя все это забывала: и капризничала, и вредничала, и постель за собой не убирала, но совсем редко и чуть-чуть за ней такое водилось. А чуть-чуть, как известно, не считается. Одним словом, не ребенок рос, а ангел.

И вот однажды накануне зимних каникул, под самый Новый год, случилось с Галей неприятное происшествие, а точнее настоящее горе…

Скоро-скоро прибежала она домой, открыла дверь ключом, что на шее на веревочке висел, спешно закинула ранец в угол, покидала шубку с

сапогами небрежно на пол, рванула в залу, где елка наряженная стояла, ожидая праздника, кинулась под нее и громко-громко по-девчачьи разревелась. Полились слезы ручьями…

Вот вам может показаться это мелочью, а для Гали это было настоящей бедой – ее лучший друг предал. Да не просто так, а коварно рассказал в классе Галины секреты, которые она только ему и доверяла. И, что хуже всего, случилось все в последний учебный день накануне каникул, и у девочки даже не было возможности как-то оправдаться или за себя постоять. И понимала Галя, что никогда уже она Вовку не простит, и Новый год для нее окончательно испорчен плохим настроением. И горько-горько опять заплакала, зная, что никто ее горю уже не поможет.

А елка тем временем продолжала сиять и переливаться разноцветными огоньками, создавая в комнате настоящую волшебную ауру приближающегося чуда.

Галя все плакала и плакала, совершенно не замечая, как все ее горькие слезки, вместе собравшись, стали соединяться в большую лужу, а потом и вовсе превращаться чудесным образом в необычное существо, точь-в-точь похожее на саму Галю, только прозрачную, будто сделанную из стеклышек. Когда вторая Галя совсем уже превратилась и задвигалась, девочка открыла заплаканные глаза:

– Ты кто?– ахнула Галя от удивления.

– Я – твое Новогоднее Желание, – сказала волшебная копия.

– А как ты здесь очутилась? – еще больше изумилась Галя, разглядывая чудесное создание напротив.

– Ну, ты плакала-плакала, вот и наплакала целую меня, – просто отвечала прозрачная девочка. – В Новый год и не такие чудеса происходят.

Как только напомнили про слезы, Галя опять вспомнила про обиду и уже намеревалась разреветься, как вдруг почувствовала, что слезок больше не осталось, глаза не захотели слушаться и оставались сухими-пресухими.

– Ну что будем делать? – спросила волшебная Галя.

– А что тут сделаешь? – развела руками настоящая. – Все самое плохое уже случилось и назад не вернешь.

– Как это что?! Значит, нас Вовка подвел, рассказал этим злючкам Катьке с Лизкой все секреты, они теперь гогочут, как галки, а мы будем сидеть и реветь, как ревы-коровы? – не верила своим ушам волшебная девочка. – Ну уж нет! Это дело так оставлять нельзя! – и грозно уперла руки в боки.

Галя уныло опустила голову.

– А что я могу?

– Я – твое Новогоднее Желание и, если ты захочешь, могу исполнить любую просьбу, – деловито начала прозрачная Галя, – например, я могу чихнуть на твоего Вовку волшебным чихом, и он заболеет свинкой. Весь покроется розовыми прыщами, Новый год проведет дома с температурой и обязательно пропустит елку и встречу с Дедом Морозом.

Волшебная Галя захлопала в ладоши от своего дерзкого плана.

– А еще я могу, – хитро прищурила глазки-бусинки девочка – Новогоднее Желание, – превратиться в привидение и напугать Вовку, и весь Новый год ему будет не до веселья. А если он кому такое расскажет – все будут считать его вруном и трусом, – расхохоталась мнимое привидение, а Галя робко заулыбалась в ответ.

– Понимаешь, Галька, на хорошее надо отвечать добром, а вот на плохое – по справедливости, – строго помахала прозрачным пальчиком девочка. – Еще я могу забраться к Лизке-зануде и Катьке-забияке и нашептать им на ухо Вовкины секреты: и про то, как он кошку обижал, и про то, что цветы обожает нюхать, словно девчонка, и что слюни ночью пускает, и зубы лечить боится, воет, как белуга, и про враки его: вырванные страницы в дневнике, прогулы да двойки. В общем, мало не покажется! Ух, и ждут его новогодние подарочки – ремень да угол…

Галя прикусила губу, сдерживая улыбку, и густо покраснела, а Новогоднее Желание, завидев румянец, еще сильнее возгоралось:

– А еще я этих вредин-говедин Лизку с Катькой заражу скарлатиной. Посмотрим, как они теперь посмеются над нами, – расхохоталась волшебная Галя, падая на пол от смеха, – собачкой залают кумушки-голубушки! Гав-гав-гав! Тяф-тяф-тяф! – и так смешно залаяла, представляя, как сплетницы будут браниться, что Галя тоже рассмеялась, окончательно забывая про обиду.

Так они и продолжали хихикать над новыми идеями жестокого отмщения.

– Не знают они, бедненькие, с кем связались?! Не знают, на кого напали! Ну, ничего, попросят еще прощения, глупенькие, – раззадоривалась волшебная Галя, – придут с повинной головой, как миленькие. А мы им – от ворот поворот! – И гордо так руки на груди скрестила, подбородок вверх выставила, губы трубочкой вытянула, хитрыми глазами туда-сюда зыркая.

– Не надо… – невесело протянула Галя и тихо улыбнулась. – Не надо скарлатины со свинками. Я

сама в прошлом году лежала с температурой, мама две ночи не спала, волновалась. А потом еще медсестра приходила целую неделю уколы в попу делала. Ох, как неприятно!

И только она это сказала, как входная дверь отворилась и в проеме показался папа, весь заваленный кульками мандаринов, подарочными коробками и цветами, а волшебная Галя тут же исчезла, будто ее и в помине не было.

Галя, завидев папу, бросилась к нему на шею, да так и повисла там еще одним тяжеленьким кулечком третьего «Б» класса общеобразовательной школы номер два. Папа слегка опешил от такого радушного приема, но, почувствовав неладное в объятиях дочери, аккуратно положил цветы, поставил коробки на пол, и все так же держа на шее повисшую дочку, понес ее в комнату, где стояла елка. Галя не плакала, просто крепко держалась за теплую большую шею отца. Слезы давно высохли, плакать не хотелось, было просто печально.

– Галчонок, что случилось? Тебя кто-то обидел? – участливо спросил отец, и в голосе его чувствовалась такая теплота и спокойствие, что Галя сразу же рассказала ему всю правду. И как только она закончила свой горестный рассказ, ей вдруг стало так хорошо, будто она сняла с плеч свой тяжеленный рюкзак, груженный учебниками.

Папа сидел на полу и молчал, одной рукой обнимая Галю, а другой – стуча пальцами по паркету. Молчала и Галя, зная, что это папа так думает и готовит ей серьезную речь, после которой все встанет на свои места, разложится по полочкам и вытянется в один ровный красивый шнурок. Наконец, кашлянув, папа сказал:

– Понимаешь, Галька, ты сама во всем виновата…

Галя слегка напряглась, но решила дослушать. Ей самой в голову подобное приходило, и хотя она никак не могла понять: отчего вдруг Вовка из лучшего друга превратился в предателя, искала причину скандала и в своем поведении, вспоминая, не обидела ли его ненароком где-нибудь.

– Я имею в виду, ты как бы виновата и не виновата.

Галя озадаченно прислушивалась, хмуря брови.

– Виновата ты потому, что самолично рассказала этому Вовке свои секреты, и никто тебя за язык не тянул. А, как известно, хочешь сохранить секрет – держи рот на замке! Теперь нечего пенять на других! – И папа игриво двумя пальцами сжал пухлые губки Гали, от чего получился красивый розовый замочек. – А не виновата потому, что не знала, что Вовка тебе вовсе и не друг. Тут я чувствую и свою вину: все эти годовые отчеты, засада с табелями, совсем не было времени рассказать тебе самый главный и важный закон о дружбе. Понимаешь, Галька, существует четыре вида друзей: первый называется знакомый. Например, тебя познакомили с кем-то, и с этого момента он уже не просто прохожий, а твой знакомый. Теперь, завидев его на улице, ты обязательно должна с ним поздороваться.

– Это как тетя Валя и дядя Петя, с которыми мы познакомились в поезде, когда на море отдыхать ездили? – радостно вспомнила Галя.

– Точно, это наши новые знакомые. Далее идет приятель. Это если вдруг знакомство было удачным и хочется продолжать общение и приятельствовать. Например, иногда друг другу позвани-

вать или открытками на Новый год обмениваться, с днем рождения поздравлять.

– Я поняла. Это как дядя Паша, твой одноклассник, он всегда звонит два раза: на первое сентября, поздравить тебя с началом учебы, – хихикнула Галька, – хотя вы уже давно не ученики. Потом на твой день рождения. А под Новый год посылает нам вкусную-превкусную соленую кету из далекого-предалекого Владивостока, – и Галя сглотнула набежавшие слюнки об упоминании вкуснючей рыбки.

– Именно! Мы не часто видимся, но я всегда помню о моем хорошем приятеле. Посылаю запчасти для его красивой машины, у них там не продают такие, – как бы для себя заметил папа, мечтательно глядя вверх, – может, когда соберусь к Павлику-то на рыбалочку иль на охоту в буреломы. Давно зовет…

– Запчасти – не очень вкусные, – как бы между прочим заметила Галя, прислушиваясь к бурлению в животе, ведь с этими переживаниями она совсем забыла пообедать, а время было уже идти ужинать.

– Итак, третий вариант – это просто друг или товарищ. Я бы даже добавил уточнение – друг по интересам. Например, у нашей мамы – тетя Лена, подруга по работе, они видятся каждый день и все их разговоры о работе. Тетя Оля и тетя Вера – подруги по танцам, нашей маме очень нравится ходить вместе с ними танцевать, а после классов пить горячий шоколад в соседнем кафе. Тетя Вероника – старая подруга по прошлой работе, и они вместе иногда ездят за город за саженцами, любовь к цветам их также по-дружески сближает. Тетя Света – мамина подруга по детям, ты и Верочка дружите – это объединяет

ваших мам. Таких подруг у мамы много, потому что она очень разносторонняя личность. Понятно?

– Понятно, пап. А кто следующий?

– А следующий называется – лучший друг. И тут многое не скажешь, отличие последнего от всех предыдущих в том, что твой настоящий друг – проверенный товарищ, знающий о тебе все твои тайны, и все потому, что ты сам ему этот клад и доверил. В свою очередь, и он тебе полностью доверяет, знает, что ты никогда не подведешь и можно на тебя рассчитывать, как на самого себя. Про лучших друзей говорят: «Сам пропадай, а друга – вызволяй». Счастливый тот человек, у кого хороший друг есть. В наше время это большая редкость, перевелись лучшие друзья. Так что, если найдешь – цени и дорожи!

– А кто у тебя лучший друг, пап? – спросила Галя.

– Мой лучший друг – это твоя мама! С ней, как говорится, я б в разведку пошел, – рассмеялся папа. – Потом дядя Леша и дядя Степа. Им как себе доверяю, что называется «пуд соли вместе съели» на севере, и так в быту всякое было… – задумчиво отвечал папа. – А что твой Вовка натворил, расскажи?

– И вовсе он не мой! – сердито буркнула Галя. – Вовку в классе дурачком называли, смеялись над ним, что он странный, смешной, глупо улыбается и похож на бестолкового медведя. А я с ним дружила и всегда его защищала. А он возьми да расскажи… Да как специально, заглавным воображулям нашего класса – Катьке с Лизкой, у которых только одно на уме – обсмеять кого.

– А почему ты, Галька, подумала, что если ты его в лучшие друзья записала, так он обязательно должен им стать?

Девочка недоуменно уставилась на папу, не зная, что ответить. Гале казалось это таким естественным, что если ты к человеку – хорошо, значит, он тоже к тебе должен по-доброму. С другой стороны, действительно Галя посчитала Вовку другом, но никогда не спрашивала ни его, ни себя, думает ли Вовка так же?

– Понимаешь, Галька, ошибка твоя считать каждого встречного другом сыграла с тобой злую шутку. Не был Вовка никогда тебе добрым товарищем, рано или поздно это выяснилось бы. И тебе урок – в следующий раз присмотреться лучше да не сразу кидаться секреты рассказывать всем кому ни попадя. Но хочу сказать, что это правило: с каждым быть добрым и справедливым – совсем не ошибка, а очень даже хорошая привычка, я б даже сказал – талант. Многие люди совсем дружить не умеют: все боятся прогадать, упустить, о себе любимых не забыть, как бы не опростоволоситься с дружбой да в лужу не сесть. Так и ходят в знакомых всю жизнь, порой Новый год встретить не с кем, да и на день рождения одни зеваки и бездельники к таким заглядывают.

Ведь чтобы лучшего друга найти, надо сначала им стать. Дорасти, так сказать, до дружбы верной и преданной, чтоб тебе верили без оглядки, если в тартарары или к звездам – вместе! Другом кого-то назвать – это значит быть уверенным, что и в беде он – помощник, и в счастье – не завистник.

Славная ты у меня, Галька! А вот Вовка потерял настоящий клад. Точно дурачок! Ты мне теперь лучше вот что расскажи: что за секрет такой страшный столько шума наделал? Я ж тебе друг?

– Ты – мой лучший друг, – тепло обняла Галя папу. – В общем, дело было так: в школе мы писа-

ли сочинение, кто кем хочет стать, когда вырастет, – и Галя часто-часто заморгала своими пушистыми ресницами, приходя в волнение, – Катька мечтает стать знаменитой манекенщицей, Лизка желает быть всемирной звездой телеэкрана или балериной Большого театра, тот же Вовка изволил стать директором банка, а я… В общем, ты только не смейся, пап, мне бы хотелось стать ветеринаром. Да не просто, а зоологом! Недавно я готовила реферат по биологии насчет фермерства и животноводства, и знаешь, так мне эта тема понравилась. Оказывается, коровы – это не просто коровы! Это животные с большой буквы! Вот если б ты только знал, что звери – это наши помощники, наши друзья, они и музыку слушают, и скучают, и даже плакать умеют… Я хочу вырасти и всем-всем рассказать, как важно с животными хорошо обращаться, уважать и любить. Отменить зоопарки, запретить цирки, закрыть фермы и хозяйства, которые недозволительно мучают несчастных животных, – разрумянилась девочка, – ведь они, пап, все чувствуют, только сказать не могут…

– Славная ты у нас, Галька! Молодец! Хорошее желание! И видно, что никакие сплетни да пересуды не помеха. Теперь, главное, сама в себя верь, и все у тебя получится. Глаза горят, сердце пылает, ну, точно как у нашей мамы.

И только он это сказал, как в дверь позвонили. С радостным криком Галя побежала открывать. Это пришла с работы мама, вся обвешенная подарочными пакетами, кульками с мандаринами и цветами, как новогодняя елка. Папа рыцарски поднял маму на руки и вместе с кульками, цветами и повисшей на шее Галькой бережно отнес свою ношу на кухню и помог разобрать покупки.

Пока родители разбирали вещи, шептались и, судя по чмоканью, целовались, Галя нырнула в залу и стала шепотом звать Новогоднее Желание.

Волшебная Галя вылезла из-под мигающей огоньками елки и тоже шепотом хитро спросила:

– Ну, что там насчет скарлатины?

– Да ну его, этого Вовку, – махнула рукой Галька, – целое желание на знакомого растрачивать. Я тут вот чего подумала: ты вроде говорила, что все-все желания могут сбыться?

– Ну…– деловито протянула Новогоднее Желание.

– Мне бы вот такусенькую, – показала двумя пальчиками Галька расстояние размером с монетку, – сестренку или братика. Знаешь, Новый год встретить не с кем, а впереди еще дни рождения, восьмые марта, лето, каникулы… А с сестричкой или братиком, а лучше со всеми сразу, получается в два раза больше праздников, веселья и подарков! Понимаешь? – мило улыбнулась девочка.

Волшебная Галя хихикнула, весело подмигнула, а потом, превратившись в яркий бенгальский огонек, чудесно вспыхнула и растворилась в пространстве. А Галя, почуяв аппетитный аромат жареной картошечки, напевая какую-то добрую новогоднюю песенку себе под нос, побежала на кухню.

***

Тем же вечером папа незаметно вышел из дома и решил прогуляться до соседней улицы, где жил незадачливый друг Вовка. Открыла дверь его мама Ольга Витальевна и очень удивилась визиту. Однако Владимир Викторович успокоил ее, сказав, что пришел

по-мужски поговорить с ее сыном насчет происшествия в школе. Они закрылись в зале, где место, так подходящее для елки, пустовало, так как Вовкина мама много работала и не успевала подготовиться к празднику, а Вовкин папа жил с другой семьей, и ему было не разрешено посещать эту квартиру.

– Знаешь, Вовка, ты своим поступком испортил Гале настроение, но это полбеды. Самое плохое – себя лишил настоящего друга, – тихо сказал Владимир Викторович.

Вовка только сердито хмыкнул в ответ.

– Ведь то, что ты рассказал про Галины мечты, тем самым вызвав море шуток и насмешек в ее адрес, не красит тебя ни как друга, ни как будущего мужчину. Эта выходка не выставила тебя умнее или лучше других, а показала, что тебе зря доверяли, – Владимир Викторович печально посмотрел на свои руки. – Когда-то давно со мною произошла похожая история: я тоже, как и ты, подвел одного хорошего человека, но мне тогда повезло: я попросил прощения – и меня простили. Этот урок усвоен на всю жизнь: теперь я знаю, как это плохо терять друзей по глупости. А сюда пришел не ругать тебя, а просто про это рассказать.

Вовка продолжал упорно молчать, но, судя по пылающим щекам и нахмуренным бровям, слышал все прекрасно.

– Ну что ж, – вставая, сказал Галин папа, – с Новым годом, Вова, тебя и твоих близких! Прощай.

***

Тем же вечером мама Вовки Ольга Витальевна незаметно вышла из дома и решила прогуляться до

соседнего квартала, где жил папа Вовки, которому запрещено было посещать квартиру, где не было елки.

Она позвонила в дверь и тоже попросилась на серьезный разговор…

***

В тот же день, 31 декабря, в канун Нового года, самого волшебного праздника в году, случилось чудо – все желания учеников третьего «Б» класса общеобразовательной школы номер два сбылись, и хотя некоторые дети заболели от вируса скарлатины, они тоже получили подарки от Дедушки Мороза.

Конец сказочки

Бедная, бедная Саша и бедная, бедная Лиза

Глава 1. Улей диких пчел

Валентина Алексеевна, учительница младших классов и классный руководитель общеобразовательной школы №2, а ныне дважды лучшего колледжа №1, сидела за своим рабочим столом, проверяя тетради с контрольной, которую всегда проводила по четвергам вот уже тридцать пять лет своей преподавательской деятельности.

Проверяла и периодически вздыхала, находя одинаковые ошибки у детей, сидящих рядом за партой. А Валентина Алексеевна помнила своих учеников в лицо и поименно, а также их расположение в классе, причем на протяжении всех тридцати пяти лет, стоило только восстановить в памяти учебный год.

Проверяла и, недовольно качая головой, отмечала в своем дневнике основные допущенные учениками ошибки, чтобы еще раз посвятить урок пятницы повторению этой сложной

темы. Как вдруг Валентина Алексеевна отвлеклась на стук в дверь, в которую впопыхах просунулась голова с золотыми косичками Ангелины Агапкиной, ученицы пятого «В», прибежавшую, чтобы срочно вызвать свою первую учительницу, преподавшую когда-то Геле самый первый урок в жизни, на совещание к директору школы.

Валентину Алексеевну сильно удивило срочное приглашение, женщина посмотрела на элегантные наручные часики (подарок родителей одного из выпущенного ею класса) и ахнула, стрелки показывали девятый час вечера. Конечно же, учительница знала, что сегодня педсовет у директора по теме старших классов и будущего выпускного экзамена, но он должен был закончиться еще в три… Сама она задерживалась до такого времени, потому что предпочитала заканчивать дела контрольной четверга на работе. Тем более что дома, на тринадцатом этаже обычной подмосковной высокоэтажки, ее никто не ждал. У Валентины Алексеевны не было детей, а по причине полной самоотдачи преподаванию и воспитанию доверенных ей учеников она не могла завести и котеночка. Торопиться становилось некуда – школа являлась ее вторым домом.

Почему педагогический совет так затянулся? Зачем на совещании выпускников понадобилось присутствие учительницы младших классов? Откуда директор знала, что Валентина Алексеевна до сих пор в школе? С этими вопросами в голове, зловеще зажужжавшими дикими пчелами в предчувствии обрушившейся на школу напасти, уважаемая преподавательница задумчиво подня-

лась с места, закрыла класс на старинный ключ и медленно направилась в другую половину здания, где располагались классы старших учеников. Геля Агапкина, задорно прыгая с одной тонкой ножки на другую, сопровождала ее всю дорогу. Оторвавшись от тягостных мыслей, Валентина Алексеевна обратилась к девчонке:

– Гелечка, не стриги золотые косы. Вот увидишь, стукнет шестнадцать, насмотришься на глупую моду, захочешь остричь, а потом жалеть станешь, – назидательно проговорила женщина.

– Да вы уж говорили, Валентина Алексеевна, – весело отозвалась девочка.

– И не устану повторять. Ты и в классе у меня не с первого раза запоминала-то. А все потому, что красивая, а красивым в одно ухо влетает, а из другого – вылетает.

Девчонка захихикала в ответ на смешной комплимент, зная, что учительница шутит.

– Ведь моду придумывают глупые и страшненькие, чтоб хоть немного умнее да симпатичнее сделаться. А таким, как ты, ничего менять не надо. Здоровье, красота, радость при тебе и всегда в цене. Их помадами да клеем не замажешь.

И обе рассмеялись скоротечному разговору, заведенному когда-то давно между учительницей и ученицей. Благодушие вернулось, но, когда учительница подошла к огромной двери в директорскую, опять улетучилось, ибо грозное жужжание свирепых пчел доносилось именно оттуда, заслоняя собой все звуки вокруг…

Геля почтительно попятилась назад, а Валентина Алексеевна, тягостно вздохнув, решительно открыла дверь.

***

Директорская была полна народу: за длинным столом рассаживались учителя всех дисциплин старшей школы, вокруг них на стульчиках примостились педагоги дополнительных образований и психологи, с боков стояли родители, а по окошкам сидели ученики выпускного класса… И весь этот улей жужжал, верещал, бубнил и долдонил во главе с раскрасневшейся от чрезвычайного возмущения, граничащего с отчаянием, директора школы Агапкиной Анжелики Игоревны. Завидев вошедшую женщину, директриса всплеснула руками, будто увидела ангела, и рванула со своего места встречать спасение от своих несчастий в лице Валентины Алексеевны.

– Дорогая Валентина Алексеевна, как я корю себя, что сразу не позвала вас в эти авгиевы конюшни помочь нам… – нелестно и совершенно непонятно начала свой разговор директриса, крепко вцепившись в руку старой учительницы, чем еще больше привела последнюю в замешательство.

Улей притих, а отчаяние на лице Анжелики Игоревны сменилось торжеством и решительностью. Она подняла вверх свой указательный палец, украшенный блестящей алой смальтой и кольцом из белого золота со сверкающим камушком посередине, любимый прием усмирять всякое волнение. (А заодно, как полагали вслух и мысленно все учителя и ученицы школы, в очередной раз похвастаться своим чудесным кольцом.) Как бы то ни было, прием действовал, и все сначала устремляли свои взоры на безупречный маникюр и прелестное колечко, после переводя взгляд на сурово сведенные брови на красивом директором лице, и успокаивались.

– Предлагаю назначить ответственной за принятие непростого решения в деле Саши Худовой и Лизы Неугодниковой – нашу мудрую Михееву Валентину Алексеевну, – и, с облегчением вздохнув, молодая женщина плюхнулась на директорское кожаное кресло, схватив обеими руками разболевшуюся от нервов голову. Улей вновь заверещал, но директрисе было все равно. Лучшего решения и не могло быть найдено, спасибо дочке Гельке, подсказавшей призвать на помощь старую учительницу, через добрые руки которой прошли в свое время Анжелика и половина учительского состава школы.

Валентина Алексеевна встала у руля, на месте, где только что вещала упавшая духом директриса, и мало-помалу класс, заполненный взвинченными взрослыми и возбужденными детьми, стал утихать, только их взоры касались спокойно ожидающего тишины лица старой учительницы.

Приводя всех к порядку и сосредотачиваясь, трижды постучав по столешнице красивой женственной рукой, Валентина Алексеевна заприметила в толпе своих бывших учениц, а ныне завуча Бабкову Любовь Григорьевну и учительницу пения Носкову Аллу Геннадьевну. В прошлом отличниц, блестяще закончивших школу с красным дипломом, множеством грамот и превосходными рекомендациями за порядочность и ответственность, она обратилась к ним за разъяснениями.

– Наш колледж, удостоенный в прошлом и позапрошлом году звания «Лучший по стране» за высокие успехи в образовании и воспитании… – начала было Любовь Григорьевна, как ее тут же перебила директриса.

– Люба, да объясни ты по-человечески, что если мы не выгоним этих дрянных девчонок из школы, то есть колледжа – не видать нам ни «Учителя года», ни «Лучший колледж страны», ни грантов президента, ни поездки в Лондон…

– Поступим так, – тяжело вздохнула Валентина Алексеевна, когда улей опять заголосил. – Попрошу остаться в директорской только учительский состав, а всем остальным – спасибо за терпение и спокойной ночи. Завтра вы узнаете решение педсовета, – сказала спокойно, но тоном, не допускающим возражений, старая учительница, и народ устало начал разбредаться по домам. Молодые и опытные педагоги, уставшие от долгих часов прений, с облегчением вздохнув, устремились к Валентине Алексеевне за спасительным советом.

– Проблема с Сашей и Лизой встала не сейчас. Мы долго терпели выходки и плохую успеваемость этих девочек, своим поведением портящих все возможные показатели и рейтинги, а также атмосферу в классе. И не только мы, замечу, – понизила голос Алла Геннадьевна после ухода родителей и детей. – Мирились и превозмогали, но пришло время, наконец, поставить девчонок на место и выгнать их с позором из школы.

– Выгонишь из школы, считай, мы – следующие. Никогда Раиса Степановна Худова такое не простит за внучку, – безнадежно подала голос Анжелика Игоревна, все так же в отчаянии держа голову растопыренными пальцами с идеальным маникюром, откуда несимпатично топорщились белые локоны развалившейся прически.

– Лиза – не просто хулиганка, а, как мы поняли, девочка с серьезным заболеванием, – сделала ак-

цент Людмила Григорьевна, косясь на притихшего в углу психолога Светлану Николаевну Жабик. – Ей место в коррекционном интернате, где к таким детям особый, правильный подход. Где ей будет очень хорошо…

– Отправишь ее в спецшколу – Георг Валентинович Неугодников отправит тебя по распределению в Сибирь нанайцев воспитывать, – вставила свое безнадежное словцо директриса и в речь завуча Людмилы Григорьевны.

– Валентина Алексеевна, вы единственный преподаватель, который в свое время дал этим девочкам положительные характеристики после младшей школы, вот вам расхлебывать теперь эту кашу… – с отчаянием воззрилась на пожилого педагога учитель биологии Абрамович Лилия Леонидовна.

– Прекратить уныние! Алла с Любой, сядьте на место. Развели тут истерику, – строго сказала Валентина Алексеевна, вникая в суть вопроса, а про себя отмечая, что совсем девчонки не изменились. Анжелика все такая же боевая, в любом вопросе видит для себя личный вывоз, Алла с Любой – хорошие девчонки, да уж больно дисциплинированные, как и в школе, буквально все воспринимают, шаг вправо, шаг влево бояться сделать. Никакого творчества! Вспомнились старой учительнице и злополучные Саша с Лизой.

– Что нам делать? – взмолились молодые женщины. – Ведь весь поток «А», «Б» и «В» классов с родителями подписи собрали по исключению хулиганок из школы. Обещали до гороно, до мэра города дойти. И у них есть все основания: целый год ребята с усердием занимались по самым сложным про-

граммам, готовились с репетиторами, выигрывали олимпиады, чтобы показать результат на всероссийском конкурсе «Лучшие из лучших». На кону золотые медали и долгожданная поездка в Лондон. И в шаге от выигрыша по вине двух негодяек, прогульщиц… Потерять все! – взвыла Анжелика.

– Сашу с Лизой помню прекрасно. Хорошие девочки… – начала было Валентина Алексеевна, да тут же примолкла под душераздирающее рыдание не выдержавших нервного переутомления особ.

– Женский коллектив… – добродушно прокомментировала улыбнувшаяся девчачьим слезам мягкосердечная учительница. – Эх, слезами горю не поможешь, – погладила по светлой голове всхлипывающую Анжелику Игоревну. – Утро вечера мудренее. Идите все спать. Я поговорю с девочками. Разберемся, что к чему.

Грустные и уставшие, почти потерявшие надежду увидеть феерический Лондон, учительницы пения, химии, физики, алгебры, биологии, физкультуры, закинув на плечи тяжелые сумки с тетрадями и причиндалами, разбрелись по домам, в душе по-детски надеясь на старую русскую волшебную поговорку и на слова мудрой женщины, когда-то преподавшей им всем первый урок жизни.

***

И не зря Анжелика Игоревна надеялась на старую добрую учительницу. После того как все ушли и директриса привела в порядок свое усталое размазанное тушью лицо, Валентина Алексеевна заявила:

– Объяви-ка, Анжелика, завтра, что решение проблемы найдено. Всем, кто проявил себя зло и

бездушно, грубо и бессовестно, не по-дружески и некрасиво – достанется по справедливости.

На такое резюме молодая директриса, судорожно вжав голову в плечи красивого переливчатого пиджака с перламутровыми пуговицами, согласно закивала взлохмаченными платиновыми локонами.

– Хочу поговорить с тобой серьезно, Ликочка. Приду к тебе завтра вечером на чай домой. Жди меня в двадцать ноль-ноль. Много вопросов накопилось, – глубокомысленно закончила Валентина Алексеевна свой разговор и, попрощавшись, пошла домой. Часы пробили полночь.

***

Посвятив пятницу работе над ошибками контрольной четверга, классный руководитель третьего «В» удовлетворительно заметила про себя, что за ночь учениками усвоился-таки трудный материл, и зря она переживала. Даже в самые легковесные умы вошли непроизносимые и многочленные знаки и символы. И только к обеду, на досуге, Валентина Алексеевна разрешила себе подумать о непростой сложившейся ситуации в школе, при любом раскладе ведшей к бедам и слезам либо одних, либо вторых.

Сидя на своем рабочем месте и глядя в апрельское весеннее буйство за окном, Валентина Алексеевна искала подсказку. И природа, живая и многообразная, не заставила себя ждать: игра солнечных зайчиков, веселые подергивания весенних листочков, переливчатые лужи и благоухающий цветочками ветерок, раздувающий шелковые платочки, напомнили опытному преподавателю главный закон педагогики, который проходят все студенты пе-

дучилища, а после сдачи экзаменов поразительно быстро забывают, превращаясь в строгих всезнающих матрон курируемых дисциплин и наук. Основной закон педагогики гласит: «Все познается в игре. Игра является инструментом развития, и в то же время средством в решении проблем и преодолении любых трудностей в воспитании ребенка».

И как только Валентина Алексеевна об этом подумала, тут же ее красивое, доброе, благородное лицо озарила улыбка. Ей пришла в голову замечательная идея, как решить эту непростую дилемму.

Дело в том, что в свободное от работы время одинокая учительница имела давнюю страсть к детективам: читать книги и смотреть фильмы этого жанра. Эркюли Пуаро с Агатами Кристи и Шерлоками Холмсами всех времен и народов теснились на полках и в шкафчиках, проемчиках и этажерках небольшой квартирки на тринадцатом этаже подмосковной высокоэтажки. Любимые, зачитанные и засмотренные до дыр, заклеенные скотчем и обмотанные газетными вырезками, увешанные винтажными, потерявшими былые краски плакатами, с которых глубокомысленно и всезнающе, словно давние друзья, смотрели лучшие сыщики и агенты… А Валентина Алексеевна, в свою очередь, по памяти и без запинки могла воспроизвести главные правила настоящего сведущего детектива, работающего по цепочке причинно-следственной связи и доверяющего лишь кропотливо проверенным фактам, полученным в ходе опроса свидетелей происшествия. Вот почему в деле «Бедной Саши и несчастной Лизы» (так озаглавила она новую разлинованную в голубые линии тетрадь, куда собиралась записывать ход работы), умудренная опытом

учительница решила начать с нуля, то есть опросить всех причастных к этой весьма деликатной истории…

Список с фамилиями («подозреваемых» – так про себя стала называть всех тех, с кем вознамерилась побеседовать Михеева Валентина Алексеевна), аккуратно выведенный красивым учительским почерком, она отнесла на стол к секретарю школы, чтобы в официальном порядке назначить время встречи на эти выходные для опроса (допроса) и разъяснения сложившейся ситуации в выпускном «В» классе.

Первой в списке значилась Агапкина Анжелика Игоревна. Пятница 20:00. Встреча у директора (свидетеля) дома.

Последними числились Худова Саша и Неугодникова Лиза.

Глава 2. Тайный рецепт успеха

Валентина Алексеевна Михеева, заслуженный педагог, обладатель множества грамот и похвал имела в школе особое положение. В первую очередь потому, что всех учеников ее выпуска отличала очень хорошая грамотность, воспитанность и прекрасное поведение. Это отмечали коллеги и другие эксперты. Поэтому родители малолеток заранее старались записать будущих первоклассников именно к ней в класс, просили и писали заявления на имя директора с подобными просьбами из

года в год. А во-вторых, непосредственно в школе №2, ныне просто лучшего колледжа страны, а также на важных постах в органах управления, в сферах строительства, торговли и тому подобное по округу и в округе, прекрасно трудоустроились многочисленные ученики и ученицы Валентины Алексеевны, выпущенные за тридцать пять лет преподавательской деятельности. Все эти мальчики и девочки, выросшие в больших и красивых теть и дядь, никогда не забывали поздравить свою первую учительницу с новым годом, с днем учителя, а также с днем рождения, который, к слову сказать, выпадал на ближайший понедельник. Устраивалось настоящее паломничество, церемонии, торжественные поздравления, говорились громкие и великодушные слова, дарились бесчисленные подарки. Валентина Алексеевна, скромный по сути человек, в этот день внутренне раздваивалась, ибо часть души ее искренне радовалась таким знакам внимания, а с другой стороны, становилось совершенно неловко от всех этих похвал, слов, конфет, цветов и порой весьма ценных даров. Но как опытный педагог и очень мудрый человек она понимала важность этого дня именно для своих бывших и настоящих учеников, которые хотели обязательно увидеть свою покровительницу и выразить словами или делом, подарками ли, кто как мог, свою признательность, уважение и внимание. Она принимала эту щедроту с большой благодарностью и от всей души. Вы спросите, а что же такого важного успевала сделать за три года для всех этих людей простая учительница?

Валентина Алексеевна не просто учила детей грамоте и правилам хорошего тона, она дарила всю

энергию, внимание детям, не делая исключений ни для кого. Тщательно готовилась к урокам, анализировала и размышляла, как улучшить свою работу. Постоянно искала новые принципы, подходы, уловки, методы, резервы, чтобы донести до учеников все самое важное, что они должны будут унести в свою будущую взрослую жизнь. Никогда не приходила на работу в плохом настроении, всегда была бодра и весела, радостна и полна любви и новых идей. Взрослые и дети чувствовали этот сладостный аромат уверенного счастья, нежности и мудрости, часто на перемене ребята пытались обнять ее, приласкаться, сказать или спросить что-то важное. На примере учительницы дети сознательно и бессознательно обучались самому важному принципу, в первую очередь гласившему: вырасти человеком хорошим, честным, верным, совестливым с самим с собой и с другими. Как она добивалась без крика и увещеваний того, что на ее уроках дети чувствовали себя неловко, если приходили с невыученными уроками? Не врать, а говорить честно правду, пусть и горькую? Старались в следующий раз обязательно самостоятельно исправить ошибки? Как она заставляла детей радоваться своим даже самым маленьким успехам? Не обижаться на критику? Не жаловаться на других? Во всем находить идеи для будущего развития?

Возможно, именно поэтому многие ее выпускники пошли учиться на педагогов, оставив глупые мысли легковесной моды стать непременно моделями, банкирами или светскими львицами, и вернулись в родную школу дипломированными специалистами, продолжая прекрасную традицию мудрых наставников.

Был ответ на этот вопрос. Сама Валентина Алексеевна его прекрасно знала, делясь с молодыми коллегами этим старинным трудоемким секретом успеха, который стоил времени и сил.

Все проблемы детей, образовательные или воспитательные, ведут свои корни из родительской семьи. Поэтому работа с тем или иным учеником проводилась Валентиной Алексеевной в будни днем – на школьном поле, а в выходные и по вечерам – за его пределами. После своего официального рабочего дня старая учительница взяла за правило посещать одну-две семьи своих подопечных, как это делали когда-то советские учителя, а до них – целые поколения домашних, городских и сельских просветителей и наставников. И вот тут Валентину Алексеевну, когда-то юную выпускницу педучилища, ждало много открытий, она познавала на практике, как ценны встречи и разговоры с родителями в неформальной, домашней обстановке. Важны не только для ее маленьких учеников, но на деле оказывалось, просто бесценны для взрослых.

Спокойно выслушанные речи, со вниманием воспринятые жалобы расстроенных родителей, неназойливо данный совет, ненавязчиво оказанная поддержка и даже простое доброе рукопожатие или проникновенно брошенный взгляд понимания и одобрения творили чудеса с отметками и поведением даже самых отъявленных хулиганов и двоечников. А порой за обычным официальным визитом следовал настоящий разговор по душам, и многие взрослые на глазах превращались в маленьких растроганных детей, столкнувшихся с трудностями в жизни, сами ищущих помощи и по-

нимания. И становилось совершенно очевидным, что проблемы ученические всего лишь следствие проблем домашних. Валентина Алексеевна явственно понимала, что если она не найдет способа помочь той или иной семье – не сможет помочь и ребенку, за которого искренне болело ее доброе сердце. И она находила то самое словцо или то самое решение, после которого открывалось «второе дыхание» или загорались новым светом глаза, и взрослые с новым вдохновением принимались за свою жизнь. Валентина Алексеевна скромно уходила на второй план, выполнив свое маленькое, но весьма важное дело. И это на время давало передышку всем, наступал мир, когда каждый возвращался в свое пространство, пока не наступали новые трудности, как и бывает в обычной человеческой жизни…

Вот такой простой рецепт, делающий из хулиганов – замечательных веселых мальчишек, из двоечников – усидчивых хорошистов, из прогульщиков – гениальных поэтов, из вредин и капризуль – ласковых тружениц, из зубрил – счастливых пятерочников, из пятерочников – замечательных наставников для двоечников.

А из всех мам и пап, бабушек и дедушек – добрых знакомых, отзывчивых помощников и верных товарищей и замечательных друзей школы в лице Михеевой Валентины Алексеевны.

Поэтому в деле «Бедной Саши и несчастной Лизы» старая учительница и опытный детектив в одном лице направилась «на чай» (на допрос) к первому свидетелю происшествия – Агапкиной Анжелике Игоревне, директору школы и в прошлом лучшей ученицы класса.

Глава 3. Свидетели, потерпевшие и обвиняемые

Первый свидетель

Анжелика Игоревна с искренней радостью встретила в дверях свою старую обожаемую учительницу и в одном лице – ответственного за принятие сложного решения в неразрешимом деле про двух хулиганок и каприз, на глазах рушащих карьеру молодой, успешной, амбициозной директрисы добившейся для колледжа дважды звания «лучший» и всевозможных привилегий и призов. Анжелика очень рассчитывала на помощь Валентины Алексеевны, зная, что та подойдет к вопросу со всей тщательностью и обстоятельностью, творческим подходом и новаторством, порой поражающими педагогический состав, и не потерявшими силу за долгую практику и весьма зрелый возраст. Это была ее последняя надежда.

Пока директор заваривала чай, Валентина Алексеевна оглядывалась, рассматривая красивую современную мебель, свежий ремонт, яркие предметы интерьера. Давно она не была в гостях у этой ученицы, а зря, про себя отметила старая учительница, наблюдая идеальный нежилой порядок, будто бы главные хозяева в квартире – это вещи, а не люди.

Наконец они прошли в зал, где уже был накрыт стол, и Анжелика стала разливать душистый чай по красивым фарфоровым чашкам, неотъемлемому аксессуару учительского быта.

– Как будто одной фотографии не хватает, – заметила Валентина Алексеевна, кивая на стену, увешанную дипломами и фотографиями Анжелики с грамотами за «лучшая», «лучший», «выдающийся» и прочее в компании других директоров школы, начальников гороно, мэра, губернатора региона…

– Ну да, – рассмеялась застенчиво молодая женщина. – Просто если в этом году наша школа в третий раз выиграет олимпиаду, конкурс и чемпионат на «Лучший из лучших», то мы окончательно получим статус «Лучший колледж №1» и будем номинированы на гранты самого президента, и тогда здесь появится почетная фотография с ним.

Глаза Анжелики горели, а красивое лицо пылало торжеством и ликованием. В этот момент она была неотразима, и Валентина Алексеевна засмотрелась и залюбовалась ею. Ведь в свое время Лика Агапкина числилась в первых красавицах школы, став победительницей и мисс всевозможных конкурсов красоты по школьным рамкам. А кроме милого личика, Лика была самым дисциплинированным и смышленым ребенком, круглой отличницей, самостоятельно пробивавшей гранит науки с необычайной силой и упорством. Правильные черты лица, красивая спортивная фигура, точность и согласованность действий и слов, дисциплинированность, целеустремленность, задор помогли девушке подняться до руководящей должности и повысить престиж курируемого заведения до высочайшего уровня. Со всех концов нашей необъятной страны другие школы равнялись на показатели общеобразовательной школы №2, не так давно получившей статус колледжа, но по старинке все еще называемой школой, иностранное слово так и не приживалось.

Безусловно, большие амбиции и здоровое честолюбие в таком деле были нужны и важны, но все-таки в душе это пустующее место покоробила старую учительницу.

– А где же Геля?

– У нее сегодня теннис, рисование, а потом актерское мастерство, – с улыбкой отвечала хозяйка дома, – отец привезет ее к ночи, поэтому мы можем спокойно беседовать.

Валентина Алексеевна трижды постучала по столу красивыми длинными пальцами женственной руки, давней привычкой сосредотачиваться, начала:

– Анжелика Игоревна…

– Ой, Валентина Алексеевна, пожалуйста, оставьте официальный тон, – взмолилась молодая женщина, хватая теплые руки своей первой учительницы, – не надо меня подготавливать, жалеть… Вы же знаете, я умная девочка… А вы всегда оказываетесь правы… Дайте совет, как разрулить ситуацию с обезумевшим родительским комитетом из злобных мамочек и неадекватными чиновниками, по чертовой случайности, оказавшихся родственниками этих ненормальных девчонок?!

Валентина Алексеевна плавно вынула руки из цепких рук директора, в уме отмечая, что порой ни образование, ни прочитанные книги, ни теннис, ни актерское мастерство не могут исправить ошибки плохого воспитания, выправить грубый ум… В таких случаях, засучив рукава, принимается за воспитание сама жизнь.

– Лика, раз ты призываешь к искренности и открытости, за что благодарю тебя, я не стану юлить и выскажу свой прогноз и, скрестив пальцы, сама

буду надеяться, что он не свершится. Ибо, насколько я могу судить, ситуация зашла слишком далеко, на кон поставлено много, замешено множество интересов, судеб, нервы взвинчены, люди настроены воинственно. И обычно все заканчивается плачевно для тех, кто заварил подобную кашу. Я думаю, какое бы решение не было принято, тебя рано или поздно уволят с этой должности…

Ахнув, Анжелика обескуражено прикрыла рот рукой и молча откинулась на спинку кресла, на котором сидела. Такого поворота дела она не ожидала и тем более не ждала удара от своей доброй старой учительницы.

Весь этот монолог Валентина Алексеевна пыталась говорить спокойным серьезным тоном, но, конечно же, от ее взгляда не укрылось потрясение молодой женщины. А значит, дела обстояли еще хуже, чем она предполагала.

– Мне тяжело тебе это говорить, но, кроме меня, возможно, этого никто не скажет. Или ты не услышишь правду. Быть лучшей, стремиться к лучшему, самосовершенствоваться – это прекрасно. Но мудрейшие говорили, всему – мера. Нельзя в достижении своих целях ставить на кон судьбы других людей или идти по головам. Мне казалось, этот урок ты усвоила тогда, когда твой брак пошел по швам, именно по тому, что никто не мог угнаться за твоим рвением к победе.

– Разве я виновата, что умнее и лучше, чем те, кто меня окружает? – подавленным тоном тихо спрашивала Анжелика.

– Быть умнее не значит быть первой или лучшей, а вот уступить в нужный момент для того, чтобы другие почувствовали свою силу и смогли

быть полезными для общего блага, – это настоящий талант и мудрость.

– Разве я виновата, что у меня получается лучше остальных?

– Не виновата, но, не позволяя другим быть самими собой, учиться рядом с тобой, ты лишаешься самого важного – счастья единения с общим и в конце концов обрекаешь себя на одиночество. Ведь разве не это произошло с тобой пять лет назад?

– Брак разрушился, так как у него изначально не было потенциала. Разве могла я иметь что-то общее с человеком, который ни к чему не стремится? Это было ошибкой. За эти годы я одна достигла большего, превратив нашу школу в эталон для подражания… – уверенным тоном прокозыряла Анжелика.

– А к чему привел твой эталон, посмотри: дети, их родители и учителя, подгоняемые какими-то фантастическими амбициями и идеями, превратились в вечно обучаемых чему-то учеников, которые перетекают из школы на курсы, с курсов на тренировки, а потом в руки бесчисленных репетиторов и так далее. Совершенствуются и улучшаются, учатся и учатся, а когда они собираются просто жить?

– Было бы лучше, чтобы они вообще ничего не делали и гуляли без дела по улицам? – раззадоривалась директриса.

– Я не говорю, что это было бы лучше, но такую высокую планку могут выдержать не все… Да и зачем нужна такая высотища?

– А мы изначально предупреждаем всех родителей, отдающих детей к нам в школу, то есть колледж, что уровень требований здесь очень высок, нагрузки огромны. И не моя вина, что эти девочки

бестолковы и просто больны, – парировала Анжелика, а потом, вскочив с дивана, побежала к рабочему столу, выхватывая огромную папку бумаг и протягивая ее старой учительнице. – Посмотрите, вы почитайте, что вытворяет эта девица Неугодникова на своей странице в социальных сетях. Это только распечатка за прошлый месяц. Это же ужас! Кошмар! И в стенах нашего образцового колледжа! Да не дай бог, про это прознают! – махала руками раздосадованная женщина. – По нашей просьбе провели психологическую оценку ее состояния, и было однозначно установлено, что она не совсем адекватна и должна пройти более серьезные консультации, а возможно, даже лечение в психиатрической лечебнице!

Валентина Алексеевна углубилась в материалы и в душе тоже ужаснулась выходкам внучки когда-то заслуженного педагога, а ныне директора управления всех учебных заведений большой области. Лизу Неугодникову учительница помнила хорошо и не раз общалась с родителями, в том числе и на эту тему. Однако безрезультатно. Хотя сама по себе девочка имела желание учиться и слушать, но ей действительно требовалось особое внимание и другая, упрощенная программа. Судя по поведению, с годами дела только ухудшились, а семейные связи и покровительство сыграли злую шутку с несчастной девочкой. Но Валентину Алексеевну трудно было сбить с намеченного пути, поэтому она отложила папку в сторону, обещая вернуться к этому делу в воскресение вечером, когда подойдет очередь.

– Мы, преподаватели, не можем вмешиваться в семьи наших подопечных только лишь до опре-

деленной меры. Поэтому если родители, несмотря на советы учителей, решили оставить бедную Лизу учиться в нашей школе, и у нас нет инструментов…

– Да была б моя воля! – в сердцах крикнула Анжелика Игоревна. – Выпороть бы эту Лизу как следует и никаких таблеток не надо! Разбаловали до невозможности! Да только по рукам и ногам я связанная.

– Да, да. Как ни крути – опять тупик. Элитарность и престижность заведения сыграло и с тобою злую шутку, правдами и неправдами каждый стремиться впихнуть своих нерадивых детей тебе под крыло для улучшения и совершенствования…

– А Саша Худова, это ходячее недоразумение! Я с самого начала изучила ее способности, взяла под особый контроль и самолично занималась с ней. Но ведь это самообман! Нельзя из гусыни лебедя вылепить! Два слова не может связать, в одно ухо влетает – из другого вылетает! Все нервы мои извела! А выгнать или даже на второй год оставить не могу, и все потому, что это внучка Раисы Степановны. – Анжелика Игоревна всплеснула руками. – А для независимой комиссии по выпускному экзамену абсолютно все равно: кто чья внучка, дочка, мама или папа. Им важны результаты и оценки! Я знала, что этот день настанет… – закрыла лицо руками молодая женщина и громко заплакала. – Да, вы правы, они меня уволят. Они меня точно уволят! А я не виноватая… Хотела, как лучше…

Валентина Алексеевна дала время пореветь бывшей воспитаннице, тем временем, достав из сумки дневник с делом и пометив моменты, которым следует уделить внимание при будущих беседах.

– Именно ты, Ликочка, подогревала надежды родителей и учеников серьезным кушем, похвалами. Ради этих рамочек на стене они старались целый год, забывая об отдыхе и играх. А на самом деле за этим стояла обычная уязвленная гордость, желание доказать самой себе и другим, чего стоишь. И разрушенная семья – достойная цена этой недостающей фотографии с президентом, на придуманной тобой стене почета, а в реальности жалкого оправдания совершенным ошибкам.

Слезы переросли в рыдания, и вскоре Анжелика перекочевала в объятия растроганного педагога.

– Из милой Гели ты тоже хочешь сделать президента? – продолжала Валентина Алексеевна. – Иначе зачем обычной доброй девочке столько всего нужно знать и уметь?! Или ты ее в космос собираешься отправить? – по-доброму шутила пожилая женщина, по-матерински разглаживая разметавшиеся волосы.

– Насколько я помню, раньше на этой стене висели потрясающие фотографии со свадьбы. А на моей памяти вы были самой красивой и эффектной парой. Ведь Борис тоже из отличников, но, судя по всему, поумнее, чем ты, раз позволил все это сотворить… А скорее всего, просто не смог остановить этот крейсер «Аврора» набирающий ход, – вздохнула женщина. – И еще мне кажется, Ликочка, что такое чувство не проходит бесследно. Ведь это большая редкость, о которой пишут романы, – любовь с первой школьной парты… Не женился он еще за эти года?

– Не знаю, мы не общаемся, – промычала директор из запутавшихся локонов, по-прежнему вися на шее у старой учительницы.

– Ну, так поди и узнай. Времени у тебя после увольнения будет много… – спокойным напевом вещала Валентина Алексеевна. Анжелика больше не плакала.

Тяжело вздохнув, ничего друг другу более не говоря, поникнув головами женщины, разошлись по своим делам… Впереди многое предстояло обдумать и сделать.

Второй свидетель

На следующий день, в субботу утречком, Валентина Алексеевна бодро уселась в трамвай №4, чтобы выйти на восьмой остановке. Маршрут вел в недавно отстроенный, новенький район города, где проживала Коробейникова Ираида Петровна с мужем и дочерью, еще один участник разразившегося скандала – глава родительского комитета всех трех выпускных классов «А», «Б» и «В» новоиспеченного колледжа №1.

Всмотревшись в весело бегущие по небу облака, старая учительница напомнила себе, что с упадническим настроением или ожиданием провала многого не добьешься, поэтому, достав тетрадку с делом «Бедной Саши и несчастной Лизы», внимательно стала перечитывать свои заметки, в уме удивляясь, как люди сами себе громоздят преграды, о которые потом же спотыкаются и ломают жизни. «Но ничего! Будь что будет!» – скомандовала сама себе мудрая учительница и широко улыбнулась. День стоял чудесный, весенний, а впереди мерещилось светлое будущее: майские праздники, природа, прогулки, фонтаны, мороженое, гости, задушевные чаепития…

***

С большим радушием встретили Валентину Алексеевну и в этом красивом, богато уставленном доме.

– Мне бы не хотелось юлить и отнимать ваше драгоценное время, поэтому я выскажу свою точку зрения, которую разделяют все родители наших замечательных детей, чьи многострадальные успехи подняли уровень колледжа до «Лучшего в стране», – споро начала разговор Ираида Петровна. – Моя Танечка – умная, усидчивая, дисциплинированная девочка. Мы с мужем и моими родителями радуемся – не нарадуемся ее успехам и прилежности. И как вы понимаете, было бы совершенно неприятно, прискорбно и обидно потерять заработанные очки по вине каких-то прохиндеек, – и чрезмерно загорелое лицо Ираиды Петровны некрасиво исказилось, от чего накрашенные алым уголки губ несимпатично поползли вниз.

Валентина Алексеевна молчала. Она давно знала семью Коробейниковых, в частности Татьяну, ее ученицу, действительно отличающуюся прилежностью и усидчивостью, но, к сожалению, ни умом, ни сообразительностью. Заработанные очки, как выразилась глава родительского комитета и по совместительству мама Тани, доставались девчонке огромными усилиями, и старой учительнице не раз приходилось жалеть ученицу за проделанную трудоемкую, тяжело давшуюся работу, чуток завышая бал. Однажды, завидев Ираиду Петровну, классный руководитель первого «В» поняла, что судьба этой девочки целиком и полностью находится в руках самоуверенной матери и не подлежит обжалованию. А так как Валентина Алексеевна, зная свое место, всегда за-

нимала сторону родных, пусть даже внутренне не соглашаясь с ними, отдавала себе отчет, что выбранная для ребенка участь – лучшее, что есть, и неоспариваемый факт со всеми вытекающими последствиями, которые в будущем лягут на плечи именно близких. Конфликты между преподавательницей и родителями, таким образом, отпадали сами собой.

Тем временем Ираида Петровна продолжала:

– Если наш колледж и в третий раз завоюет звание «Лучший», перед его выпускниками открываются широчайшие перспективы: поступление в первый университет страны без экзаменов, например, на самый престижный и недосягаемый факультет – юриспруденции. Где уже через три года Танечка сможет записаться на программу по обмену студентами с университетом Нью-Мехико и поехать туда на один год стажировки, чтобы получить досрочно международный диплом адвоката и улучшить свой английской до знания родного. И когда вернется, ее с удовольствием примут в любую крупную нефтегазодобывающую компанию. Оторвут с руками ногами, понимаете?! – многозначительно закончила женщина, теребя разноцветные перстни на ухоженных руках с длинными алыми ногтями, как раз в тон помады.

– Понимаю, – просто ответила Валентина Алексеевна, – а сама Татьяна согласна?

Из комнаты вышла высокая девица в эффектном красном платье, с красной сумочкой и в красных туфлях. Судя по яркому макияжу и прическе, собирающаяся на какое-то торжество. Тепло поздоровавшись со старой учительницей, девушка вяло подтвердила свои желания ехать в Америку и стать успешным адвокатом международных отношений.

– И конечно, приятно радует получение президентских грантов и поездка в Лондон, – сладко улыбаясь, закончила Ираида Петровна.

– Не уверена, что поездка состоится. Насколько я могу судить, Худову Сашу и Неугодникову Лизу допустят до всеобщих экзаменов, – серьезно сказала учительница.

– Мы этого не допустим, – угрожающе прошипела Ираида, – Анжелика Игоревна даже не представляет, что своим неразумным гуманизмом, ставя под удар судьбы детей, которые своим талантом и гениальностью добились всех тех высот для школы, то есть колледжа, может потерять не только доверие родительского коллектива, но и свою карьеру. У нас имеются рычаги, чтобы поставить на место недальновидного директора. Ведь Анжелика Игоревна уверена, что именно она подняла колледж. Но нет! Мы, то есть они, – и Ираида выставила вперед палец, украшенный аляпистым перстнем, показывая на Таню, – вытянули своим усердием и оценками на федеральный президентский уровень. Не будет их – не будет колледжа! А вот если не станет директора… – черная нарисованная бровь круто поползла вверх, почти касаясь блестящих уложенных в модную прическу, волос.

– К сожалению, от Анжелики Игоревны ничего не зависит, – так же серьезно и просто сказала старая учительница.

Беседа закончилась, женщины сухо попрощались, и каждый отправился по своим делам.

***

Валентина Алексеевна решила прогуляться до дома Худовой Саши пешком, тем более суббота бла-

гоухала ароматами распустившейся сирени, через которую переливались яркие весенние лучи, подогревавшие воздух. Чувства находились в смятении, но она подбадривала себя вновь и вновь. «Будь что будет!» – гласил девиз этого непростого запутанного дела.

А все-таки жизнь чрезвычайно мудра и сложна, размышляла женщина, вдыхая чудесные ароматы любимого города, где прожила долгую насыщенную счастливую жизнь.

Если бы школе суждено было завоевать этот конкурс и планы Ираиды Петровны сбылись, бедной замуштрованной отличнице Татьяне, по сути, обычной симпатичной девице с поверхностным мышлением, порой с трудом выражающей свои мысли, пришлось бы и дальше реализовывать честолюбивые мамашины планы: учить, зубрить, стараться, ехать неизвестно куда. А потом после всех этих мнимых достижений и подвигов превратиться в обычную домохозяйку, что и, собственно, стало с самой Ираидой… Валентина Алексеевна решительно замотала головой, разгоняя тягостные раздумья.

А вот если б Анжелике удалось-таки победить в этом конкурсе и добыть заветную фотографию с президентом, взлетевшие до небес амбиции сыграли бы с директрисой самую злую шутку, была уверена учительница. Ибо вознесшаяся гордыня и спесь никогда не доводили человека до добра. И опять мысли закружили в голове роем неугомонных свирепых пчел. Что бы стало с Гелей? Наверное, ее тоже б отправили в Нью-Мехико бороздить космические океаны международных отношений…

Третий свидетель

В доме Худовых учителя младших классов и ответственного за разбирательство в деле двух учениц одиннадцатого «В» Михееву Валентину Алексеевну встречала бабушка Саши – Раиса Степановна, начальник отдела кадров при губернаторе Московской области. Ни папы с мамой, ни самой Саши в трехкомнатной квартире, убранной в классическом стиле с хрустальными люстрами и паркетом из воронежского дуба с новомодными супертонкими плазменными деталями, не наблюдалось.

Бабушкой Раису Степановну было назвать очень трудно. Небольшого роста, но с подтянутой фигурой и объемистым бюстом, прекрасно выставленным через стильную блузу, в элегантном костюме с золотой брошью, с высокой модной прической и последними технологиями в области омоложения, начальник отдела кадров отличалась недюжинной энергией, сплюсованной битами шарахающей во все стороны харизмой в виде лучезарной улыбки и искрящим чувством юмора. Валентина Алексеевна радостно улыбалась в ответ на теплые приветствия и комплименты и удивлялась, как отдохнула природа на Саше, отдав все свои предпочтения неунывающей прародительнице.

– Валентина Алексеевна, я все прекрасно понимаю, – с серьезностью начала бабушка, доброжелательно беря ухоженными надухаренными руками теплые руки старой учительницы, почти что своей ровесницы. – Саша – не ангел, я реально оцениваю ее достоинства и недостатки, – рьяно тряхнула челкой женщина. – Но она моя внучка! И я буду грызть и рвать все на своем пути, чтобы впихнуть ее в какой-нибудь теплый чистый кабинет госучреж-

дения или какого-нибудь богатенького столичного банка, где она спокойненько, без нервов будет отрабатывать свой восьмичасовой рабочий день, получая приличные, достойные деньги, чтобы взрастить следующее поколение Худовых. Вы меня понимаете?!

Валентина Алексеевна молчала, всматриваясь в умное, прозорливое, увлеченное, некрасивое лицо собеседницы. Мудрая учительница взвешивала шансы в уме, сумеет ли она с помощью слов переубедить старую лису совершить совестливый поступок. А так как пожилой женщине терять было нечего, чтобы бояться всесильной «левой руки губернатора» – ни важного поста, ни серьезных связей, великих перспектив, – Валентина Алексеевна решила рискнуть.

Был у опытной, прожившей полвека в гармонии со своей совестью, мудрой учительницы один важный жизненный принцип, гласивший: «Будь искренним и говори всегда правду, это единственное, что может быть по-настоящему действенным в разговоре с хитрецом, подлецом, а тем более честным человеком».

– Уважаемая Раиса Степановна, – вынула свои руки из объятий посуровевшей начальницы кадров Валентина Алексеевна, – у меня нет детей и внуков, возможно, поэтому мне сложно согласиться с вашей картиной мира, где на одном кону вы ставите будущее внучки, а на другом – судьбы нескольких десятков человек. Но я взрослый и серьезный человек, чтобы честно оценить поступки каждой из заинтересованных сторон, поставить себя на место и понять. Есть факторы, которые вы, вероятно, недооцениваете или прогнозируете не

достаточно точно. Возьмусь выразить свое видение будущего, чтобы вы оценили происходящее с чужой колокольни, так сказать, и уже после этого приняли взвешенное решение. Саша была когда-то доброй, милой девочкой, и, если б ей не мешали со стороны, она б выросла в добрую милую девушку, в будущем, конечно же, нашедшую свою судьбу за несложной тихой офисной работой, о которой для нее грезите вы из лучших побуждений. Но мы, взрослые, своими страхами и нереализованными надеждами порой портим то, что и так прекрасно растет и развивается, достаточно только слегка направить в нужное русло.

Валентина Алексеевна достала и сумки пластиковую папку с делом Саши Худовой, вытащив несколько листов характеристик от учителей разных дисциплин и психологов. И коротко резюмировала общую данность: невнимательность, плохо развитая речь, плохо оперирует цифрами в голове, безынициативна, ленива, хитра, злоязычна, имеет твердый ригидный неуступчивый характер, некоммуникабельна, плохо ладит с одноклассниками, не имеет друзей среди сверстников и так далее.

Лицо Раисы Степановны на глазах бледнело, тут же покрываясь бордовыми пятнами. Однако ходу назад не было, и, не обращая внимания на реакцию, Валентина Алексеевна продолжила свою тираду.

– Из-за чрезмерной протекции с вашей стороны в классе Саша находится на особом счету, чувствуют это ученики, учителя и сама Саша. Все это не прибавляет бедной девочке популярности, и она, понятное дело, словно раковина ракушки, закрывается и вредничает в ответ, зная о своей безнаказанности. Впереди череда сложных ис-

пытательных экзаменов, от результатов которых зависят судьбы трех классов, их родителей, учителей, директора школы и колледжа в целом, а также злополучной поездки в Лондон. Будет проведена независимая экспертиза с привлечением педагогов с других школ, на которых при всем желании нельзя будет подействовать ни конфетами, ни громкими должностями и ни уговорами. Саша не сдаст экзамены… Это очевидно не только мне, но и всему педагогическому составу, одноклассникам, директору школы, которая курировала вашу внучку с седьмого класса, прозорливым взглядом предвидя надвигающиеся сложности… Но это не помогло.

– Оценки для будущей карьеры не главное, важна корочка… – будто сама себе напомнила погрустневшая начальница-бабуля.

– Все это я вам говорю не для того, чтобы расстроить. Наоборот. Послушайте внимательно: Саша не сдаст экзамены по программе колледжа, претендующего сразу на три номинации в труднейшем соревновании, но вполне себе получит удовлетворительные оценки в обычной образовательной школе по общим нормативам, – и, не переведя дух, Валентина Алексеевна продолжала: – Саша неумна по школьной программе, но вполне себе деловита в обычной жизни. У нее твердый, сложный характер, она умеет манипулировать людьми, добиваться чего хочет своими методами. Неужели вы думаете, такая девочка пропадет по жизни?

Учительница улыбнулась, завидев зарумянившиеся щеки и затеплившую улыбку на лице Бабушки. Все-таки она сумела задеть за «живое» старую лису.

– Хорошо, согласна, – давая задний ход, произнесла бабушка. – И что вы предлагаете?

– Хотелось бы закончить, Раиса Степановна, эту неприятную для меня в том числе речь. Ибо судьба Саши мне тоже небезразлична. Вы можете поступать как знаете, воткнув Сашу в самые «теплые и нагретые» местечки в министерстве. Сможете подобрать ей квартиру в лучшем районе города, купить элитную мебель, выбрать мужа… Но подумайте о будущем Александры, ведь со временем не станет вас и вашей поддержки. И тепличные условия содержания сыграют злую шутку с вашей внучкой. Расхваленные таланты, дорогие подарки, тотальная протекция разогреют нерадивый разум, но законсервируют его, не дадут самостоятельно развиваться в понимании собственных возможностей и границ. Неужели вы не видите надвигающиеся свинцовые тучи над головой девочки, которые в будущем обязательно разразятся громом и молнией. Женятся на квартирах и машинах, берут за связи, но потом человек должен сам бороться, сам стремиться, сам желать и осуществлять задуманное… А Саша, бедная Саша всего лишь обычная девочка, – улыбнулась Валентина Алексеевна, глядя на фото в рамочке, где тонкое бледное лицо внучки Раисы Степановны смотрело с белых пляжей, утопленных в плакучих экзотических пальмах.

Валентина Алексеевна, добродушно улыбнувшись, привстала, собираясь уходить.

– Мы с вами взрослые люди, чтобы трезво оценивать таланты наших детей и свои собственные возможности, а также понимать, что невозможно устлать соломкой всю их жизнь, тем самым отби-

рая бесценный радостный опыт познания этого прекрасного сложного мира. Наша задача быть с ними, но не делать все вместо них.

Раиса Степановна ничего не ответила. Бушующая харизма и боевой настрой сделать Сашу великим директором разбились о честность строгого педагога. Было о чем подумать.

В свою очередь, Валентина Алексеевна не сильно надеялась на этот разговор, зная, что ригидность мышления не только передается из поколения в поколение, но очень тяжело выветривается из характера. Одного разговора здесь недостаточно. Ей просто хотелось, чтобы бабушка вспомнила ее слова и не переборщила с опекой, когда придет время.

Четвертый свидетель

Итак, разбирательство дела Саши с Лизой подходило к концу, после чего Валентина Алексеевна должна была решить, как правильно поступить в этом непростом деле, где на одной чаше стояло будущее колледжа в лице выпускников и их родителей, учителей, директора, а на другой – справедливость и сочувствие к девочкам, которые стали камнем преткновения в игре за ценные призы. Оставалось посетить последнюю ученицу, Неугодникову Лизу, и попробовать убедить ее родителей уступить во благо других и престижа колледжа.

Эту встречу старая учительница решила назначить на воскресное утро, оставляя вечер для отдыха и окончательного обдумывания.

Елизавета Неугодникова, ученица одиннадцатого «В», проживала в большом частном доме, в

котором умещалась ее многочисленная семья во главе с дедушкой Георгом Валентиновичем, начальником гороно.

Так как добраться до жилого сектора было довольно сложно, за учительницей была послана машина.

В большом доме, сверкающем от мрамора, стекла и металла, встречали Валентину Алексеевну все представители семейства. В углу в кожаном кресле, тихо поздоровавшись, примостилась Лиза. Судя по озабоченным лицам, разговор начался еще до прихода Валентины Алексеевны и явно не закончится после ее ухода.

Как и ожидала гостья, слово сразу же взял властный Георг Валентинович, достав какие-то бумаги из стола. Листы, исписанные синей ручкой от руки, были «Докладными» и «Заявлениями» от лица всего родительского комитета, одноклассников, а также некоторых учителей.

Георг Валентинович, заложив руки за спину с бумагами дела, тут же перешел в наступление:

– Меня эта ситуация давно волновала. Это уже не первый случай жалоб со стороны родителей в адрес самоуправной директрисы и ее бесчеловечных экспериментов с нашими детьми. В погоне за престижем она ставит на кон судьбы людей! А кто позволил такое самоуправство? Кто дал право? Развела, понимаешь ли, самодурство, эгоизм и безнаказанность! Вот что это такое!

Валентине Алексеевне, внимательно слушающей эту гневную речь, вдруг почудилось, что Георг Валентинович все это говорил не об Анжелике Игоревне, а как будто о себе. Ведь правда, его слова отлично характеризовали поведение самовольного,

капризного, неэтичного, эгоистичного, несправедливого самодура, чем славился старый начальник, на которого тоже не раз писали заявления и жалобы в вышестоящие органы.

Не зря мудрецы изрекли: «В своем глазу бревна не видит, а в чужом соринку разглядит», – шутливо подумалось Валентине Алексеевне, которая решилась закончить этот бесполезный монолог и начать конструктивный диалог, про себя скомандовав: «Будь что будет!»

– Георг Валентинович, дело, за которое я ответственна, требует очень серьезного подхода, ибо замешены судьбы детей и целой школы. Имеются также некоторые щепетильные моменты, которые я хочу обсудить с родителями Лизы наедине. Поэтому прошу высказать то, что вы не успели сказать, а затем оставить меня с непосредственными попечителями Лизы Неугодниковой.

Георг Валентинович онемел от того, что впервые за долгие годы его прервали на полуслове, что могли позволить себе лишь начальники сверху, но никак пожилая учительница снизу. Но, уперевшись в твердый взгляд Валентины Алексеевны, в котором читалось железное намерение сделать так, как правильно, Георг Валентинович пошел советоваться с домочадцами, Лиза по-прежнему безучастно сидела в кресле в углу.

Как и ожидала Валентина Алексеевна, комнату покинули недовольные родители, оставив разбираться с «нахальной училкой» предводителя семейства. Лиза осталась на месте.

– Георг Валентинович, разговор очень серьезный, могли бы вы попросить Лизу тоже выйти.

Наконец взрывной характер начальника не выдержал такого количества приказов, отдаваемых

не им самим, и, покрываясь бордовыми пятнами, мужчина сердито выдал:

– Я еще подниму вопрос о том, чтобы учителей экзаменовали на этичность и хорошие манеры. Что вы себе позволяете?! Чему вы учите ребенка? Хотите за спиной у девочки рассказывать ваши гадостные сплетни? Это, по-вашему, педагогика?

– Лиза, я прошу тебя выйти, конечно же, не для того, чтобы говорить гадости и плохие слова за твоей спиной. Наверное, ты это понимаешь, – простосердечно улыбнулась учительница, обращаясь к девушке, замершей в кресле. – Просто разговор касается множества тем, некоторые из них касаются непосредственно твоего дедушки. И эта информация тебе будет неинтересна.

Лиза, легко вспорхнув, быстро покинула залу. Георг Валентинович, второй раз онемев от такого форменного нахальства со стороны гостьи, принялся-таки выслушать настырную учительницу, сев в то же кресло, где сидела внучка, и демонстративно скрестил руки на груди, придав лицу надменный вид.

– Итак, Георг Валентинович, задача, с которой я пришла к вам в дом, не из легких. Рассказать, что с вашей девочкой случилась беда. Не скрою, мне было бы проще разговаривать с матерью Лизы, ибо это весьма деликатная тема. Ужасно неприятная история с выпускными экзаменами на самом деле оказала услугу вашей семье, вскрыв эту проблему, с которой вам теперь предстоит что-то делать.

Валентина Алексеевна достала из сумки распечатки странички с социальных сетей Лизы, а также объяснительные и жалобы со стороны учителей, и психологическую справку о состоянии здоровья ученицы одиннадцатого «В».

Георг Валентинович долго изучал бумаги, достав из кармана рубашки очки. Кое-где его брови взмывали вверх, отвисала челюсть, мужчина бледнел, краснел, как совсем недавно сама Валентина Алексеевна. Наконец, дойдя до жалоб классного руководителя, а потом психолога, бедный дед не выдержал, бросил бумаги на диван и заговорил упадническим голосом:

– Это все вранье! Наговоры! Вот если б вы видели, как она держится в седле, ее награды на соревнованиях… Или какая она любознательная в поездках… Какие умные вопросы задает! Все запоминает! Все слышит! А какая она добрая… Она мне мою маму напоминает в молодости…

Валентина Алексеевна прикусила губу от этой трогательной сцены. И сама себе ответила на вопрос, откуда в Лизе эта смена настроений, взрывной характер, неадекватность, тут же сменяемые ипохондрией.

А потом случилось то, что и должно было случиться. Георг Валентинович вдруг вскочил, бросая бумаги под ноги учительницы, и взревел от негодования, выкрикивая все, что он думает об этих бумажках-писульках бестолковых грамотеев, которым только бумагу переводить, о Валентине Алексеевне – «сапожнику без сапог», которую нужно отстранить от преподавательской деятельности, ибо у нее нет своих собственных детей, а значит, она понятия не имеет что им нужно, о преступных ошибках учителей, которые, словно страусы, держали головы в песке все это время, не обращая реального внимания на бедную Лизу, о непростительном недосмотре со стороны самовольной директрисы, у которой неудачный опыт построения семьи, а зна-

чит, она подает плохой пример своим ученикам… Одним словом, были виноваты все.

Валентина Алексеевна же во время этой уничижительной тирады обратила внимание на страшную душевную муку, исказившую лицо несчастного дедушки, нехорошо покрасневшее, с нещадно вздувшимися синими венами на седых висках. Становилось ясным, если срочно что-то не предпринять, еще чуть-чуть, и начальника гороно хватит удар. Нужно было действовать.

Валентина Алексеевна, слегка коснувшись рукой лба, томно вздохнула и плюхнулась в глубокий обморок, распластавшись на полу, прямо на глазах у Георга Валентиновича, в третий раз онемевшего от шока.

Уже через минуту на безумный зов деда прибежали все. Поднялась невероятная суета, все пытались привести в чувство бедную женщину, не выдержавшую натиска со стороны напористого начальства. Дети шикали на отца за неуемный характер и пробовали вызвать «скорую» или померить давление, махали газеткой и платками перед бесчувственным лицом несчастной. Лиза тихо плакала, держа теплую руку учительницы, злобно поглядывая на деда. Несчастный начальник, только что оравший дурным голосом, ошеломленно упал в кресло, предчувствуя, что этот перебор с криком плохо отразится на карьере, если дело предать огласке.

Валентина Алексеевна тем временем дала еще пару минуток для попыток ошалелых родных Лизы привести себя в чувство. Потом, шатаясь, привстала и попросила отвезти себя домой, отказывая в увещеваниях посетить госпиталь. С бледным Георгом Валентиновичем пожилая женщина не попрощалась, в душе надеясь, что начальник гороно сделает правильные выводы про неуемное своенравие и резкость.

***

Весь вечер Валентина Алексеевна провела в домашних делах, пытаясь абстрагироваться от школьных мыслей. Дело в том, что всю ситуацию и ее возможные последствия учительница поняла и предвидела еще на директорском совещании. И решение было принято тогда же, просто, как обычно бывает, сердце надеется на чудо, а разуму нужны доводы. Поэтому после уборки, помывки и чистки квартиры Валентина Алексеевна позвала в гости подругу, чтобы посвятить вечер просмотру новой экранизации Шерлока Холмса, заранее заготовив мятный чай и шоколадные конфеты. А в неприятном деле «Бедной Лизы и несчастной Саши» была поставлена жирная точка, где каждый из свидетелей удивительным образом оказывался обвиняемым, судьей и палачом одновременно, возможно, даже не подозревая об этом. Справедливость была восстановлена, оставалось лишь узнать, как сама жизнь разложит все по полочкам.

Глава 4. Вердикт и финал

К этому дню готовились многие: ученики, родители и педагоги, знакомые и друзья, соседи и односельчане… Ибо так уж получалось, вольно или невольно Валентина Алексеевна занимала в жизни этих людей очень важное место. И благодарные сердца не могли пропустить, чтобы не поздравить доброго друга и покровительницу с ее днем рожде-

ния, тактично забывая произносить вслух солидную цифру юбилея.

День рождения начинался с просмотра почтового ящика, полного ярких открыток с цветами и кошечками. Дело в том, что когда-то давно Валентина Алексеевна попросила учеников не дарить ей дорогих подарков, лучшим даром считая весточку о том, как поживают ее многочисленные ученики. Эта просьба передавалась из уст в уста, и даже тем, кто лично ее не слышал, нравилось раз в году писать своей первой учительнице, кратко повествуя о своей жизни. Валентина Алексеевна всегда со счастливой улыбкой доставала пухленькую стопочку открыток, прикладывая их к груди и роняя благодарную слезу. Думается, все эти люди знали, что этот знак внимания очень важен старой женщине, поэтому никогда не забывали отправить открытку. А может быть, в этот век компьютерных новшеств, от которых рябит в глазах, им самим нравилось по старой привычке заполнять квадратики с индексом города и писать приятное многозначащее «Дорогая Валентина Алексеевна».

В любом случае, этот день делал счастливым не только пожилого педагога, а еще пару сотен взрослых и юных душ.

В школе же юбиляршу ждал цветочно-конфетно-фарфоровый рай и множество-множество объятий, поцелуев, пожеланий, улыбок и немного благостных женских слез.

Из гороно прислали огромный букет розовых цветов и красочную открытку с пожеланиями здравия, подписанную Неугодниковым Георгом Валентиновичем от лица руководства. Учительская и классная комната утопала в цветах и подарочных

коробках, однако Валентина Алексеевна старалась не прерывать урок, прося поздравляющих заходить в перемены или после уроков.

***

Докладная о ходе разбирательства и принятом решении ответственного делегата Михеевой В.А. лежала у Анжелики Игоревны уже сначала уроков, в 8:30 утра. Директриса периодически вздыхала, собираясь с духом, чтобы огласить заинтересованным окончательный вердикт по этому делу.

К полудню ей в кабинет занесли заявление от родителей Худовой Александры о срочном переводе девочки в другую школу.

Анжелика Игоревна, ошеломленно качая головой, не поверила своим глазам, читая написанное, представив, чего стоил ее первой учительнице разговор с начальником отдела кадров и начальником гороно.

Однако одно заявление дела не меняло. Лиза Неугодникова с ее хулиганством и низкими оценками одна могла испортить общий табель успеваемости и идеального поведения выпускного потока. А значит, попытки Валентины Алексеевны урегулировать разгорающийся скандал закончились неудачей. Собравшись с духом, Анжелика Игоревна попросила секретаря напечатать приказ о допуске к выпускным экзаменам всех учащихся одиннадцатых классов. Без исключения. Все дети, чьи счастливые ученические годы прошли в стенах образовательной школы №2, а ныне колледжа, имели право сдать экзамен по предложенной программе, претендуя на высокие баллы, престижные грамоты, ценные призы и льготы и, конечно же, поездку в Лондон в случае победы в конкурсе.

Глава 5. Следствие закончено

Валентина Алексеевна, счастливая и уставшая, с огромными букетами цветов и увешанная подарочными пакетами, как новогодняя елка, уже вечером, после чаепития с коллегами и родителями школы по случаю дня своего рождения, возвращалась к себе домой и увидела на лавочке у подъезда грустную директрису школы, по видимости, давно ожидающую старую учительницу.

Нетрудно было догадаться, что у Анжелики Игоревны был тяжелый день. Валентина Алексеевна, с сожалением вглядываясь в лицо бывшей ученицы, пригласила ее на чашечку чая наверх. Молодая женщина взяла цветы в охапку, и они молча поднялись в квартиру.

Разложив, поставив, вместив новые предметы в доме по местам, наконец, женщины уселись на кухне, заварив ароматный липовый чай.

– Где я сделала ошибку? – грустно спросила Анжелика, вглядываясь в мудрые глаза женщины напротив.

– В тот момент, когда ты перестала видеть реальность через призму интересов других людей, перестала слышать их голоса и мнения, решая за них, что хорошо, а что плохо, – в этот момент все пошло наперекосяк, – просто ответила мудрая женщина. – Видишь ли, какая штука, одна птица, взлетев в небо, не знает, куда и зачем лететь. Но стоит только целой стае взлететь, тут же у них появляется понимание, куда и зачем. Из стаи выделяется вожак, который ведет за собой всех. Но стоит толь-

ко взять этого вожака и вновь оставить одного, он превращается в обычную птицу, которая одна не знает, что ей делать, – разливала по чашкам горячий чай Валентина Алексеевна. – Люди сложнее, чем птицы. У них есть чувства, цели, амбиции, но это не меняет законов мироздания. Сам по себе человек ничего не стоит… – мудрые глаза добродушно улыбались.

– А как же индивидуальность? Личность? Неповторимость?

– Э, сказочка про белого бычка ваша индивидуальность, – махнула рукой, учительница, дуя на дымящую чашку. – Бред сивой кобылы! Вот пожила ты индивидуально и неповторимо пять лет… Понравилось? – с укором спросила женщина.

Анжелика Игоревна горестно опустила глаза.

– Видишь ли, свой собственный голос, если прислушиваться только к нему, начинает перебивать все остальные, становится невероятно громким и важным, а другие кажутся слабыми и незначительными. И в этот момент ты превращаешься в ту самую глупую птицу, без стаи не знающую, куда и зачем она летит.

– Сегодня Борис забирает Гелю… – тихо сама себе сказала Анжелика.

Эпилог

Колледж №1 в текущем году не занял призовое место по предложенным номинациям, потеряв предыдущие набранные очки и баллы. По условиям престижного конкурса с него были сняты регалии

«лучший» и «№1», к сожалению, президентские гранты отошли другому учебному заведению Сибирского федерального округа, который по набранным баллам, выпускным оценкам и независимой экспертизе был признан лучшим по успеваемости и подготовленности быть примером для других, а также выступать на образовательных мероприятиях при присутствии главы государства. Сибирские выпускники одиннадцатых классов лучшего северного колледжа №1 посетили в этом году пасмурный Лондон и его достопримечательности, включая квартиру всеми известного персонажа на улице Бейкер-стрит, 226.

Разгневанный родительский комитет штурмовал все возможные инстанции жалобами и докладными, добиваясь увольнения Агапкиной Анжелики Игоревны, допустившей непростительную ошибку, по вине которой колледж утратил престиж и заслуженные регалии с бонусами. Не дожидаясь ответа гороно, сразу же после экзаменов молодой директор написала заявление об уходе по собственному желанию, желая избежать ненужного скандала и шумихи, понимания и принимая свою вину.

Худова Александра была переведена в другую школу, где успешно сдала выпускные экзамены на весьма приличные отметки, обрадовав тем самым свою бабушку и родных, получив ожидаемый сюрприз на окончание школы – красивый красный автомобиль. Сразу же после школы Александра вошла в управленческий коллектив известного в городе банка и проработала там более трех лет. Позже банк был перепродан столичным хозяевам, и Александру с позором, но с пятимесячной компенсацией выгнали, так как новому руководству нуж-

ны были профессионалы на местах. Саша долго не работала, зато успела выйти замуж, вскоре обрадовав семью пополнением в виде девочки, которую назвали в честь прабабушки. В целом жизнь текла спокойно и своим чередом, сменяя черную полосу на белую и серую.

Неугодникова Лиза не сдала выпускные экзамены, просто не придя в школу в назначенный день, а также неожиданно исчезнув на пару дней в компании малознакомых людей, чем ввела семью и местную полицию в неописуемый ужас и шок. У дедушки Георга Валентиновича Неугодникова случился инсульт по такому случаю, и он попал в госпиталь. Уже летом, придя в себя и вернувшись в строй, Георг Валентинович с неудовольствием отметил, что на работе его не ждали, намекнув, что место заготовлено для более молодых кадров. Поборовшись какое-то время, Георг Валентинович уступил, точнее уступило его здоровье, которое потребовало постельного режима в обязательном порядке. Отставку и запоздалый уход на пенсию пышно отпраздновали в лучшем ресторане города, однако в небольшом кругу друзей и родственников, с которыми ладили Неугодниковы. Именную поздравительную грамоту от высшего руководства повесили в главную залу. Лиза вскоре была помещена в клинику для прохождения обследования и последующего лечения. После первого случая побега случались и другие. В целом жизнь проходила спокойно, иногда принося нежданные и порой неприятные сюрпризы.

Из-за поражения колледжа в престижном конкурсе Татьяна Коробейникова не смогла поступить автоматом на самый желанный перспективный

факультет лучшего университета страны. Ей и ее маме Коробейниковой Ираиде Петровне пришлось потрудиться все лето: одной – над зубрежкой, другой – по поиску подходящих связей, чтобы Татьяна таки поступила на юриспруденцию. А через три года институт Нью-Мексико принял-таки в ряды по обмену студентами одетую по последнему писку моды и люкса студентку третьего курса. Однако скоро выяснилось, что в Нью-Мексико, кроме университета, зоопарка, парка и пустынь, не было особых достопримечательностей, поэтому Татьяна являлась местной знаменитостью, привлекая внимание простых мексиканских и китайских студентов, одетых в шорты и майки, своими яркими шелковыми платьями с высокими и глубокими разрезами и стразами. Вскоре из-за погодных и прочих условий бедной Татьяне, оставленной одной на год для освоения просторов международных отношений, тоже пришлось переодеться в обычные джинсы и футболку. Через год она вернулась домой усталым, но дипломированным адвокатом международных отношений. Сразу же по приезду ее тут же «с руками и ногами оторвала» одна известная газодобывающая компания на должность помощника юриста с неплохим для начала окладом. Проработав несколько лет все в той же должности и с тем же окладом, Татьяна тайно вышла замуж за бывшего одноклассника Мухаммеда и, приняв мусульманство, уехала жить в прекрасный город Грозный, в большое и дружное семейство мужа, которое приняло девушку как родную. Несколько лет Коробейниковы не поддерживали контактов с дочерью, но время помирило враждующие стороны, в особенности после того, как Ираида Петровна увиде-

ла в социальных сетях фотографию своего первого внука из шести будущих. Татьяна никогда более не вернулась в газодобывающую промышленность, посвятив все свое время мужу и семье.

Август был богат на свадьбы. Валентина Алексеевна была приглашена сразу аж на четыре, женились выпускники, дети друзей, а также повторно регистрировали свой брак Агапкины Анжелика и Борис.

В тот вечер после липового чая на кухне у учительницы, Анжелика не поехала домой, а отправилась в актерскую студию, где после занятий Гелю ждал папа. Впервые за пять лет, встретив бывшего мужа лицом к лицу в коридоре, Анжелика Игоревна поняла, что совершила главную ошибку своей жизни, и, потеряв дар речи от такого ошеломительного прозрения, просто произнесла:

– Прости меня, я больше так не буду…

Удивительно, но эти несколько слов, которые говорят друг другу дети в садике, чтобы помириться, сказали Борису многое, например, что пять лет назад он тоже совершил самую большую ошибку в жизни.

Они забрали изумленную Гелю вместе, отписавшись от дальнейших занятий в актерской студии. И вообще освободили все выходные под прогулки на природе, иногда зазывая Валентину Алексеевну составить компанию.

Валентине Алексеевне всегда хотелось поехать с ними, но не всегда это было возможно. В особенности потому, что женился ее любимый двоюродный внук Женя, который обожал собирать всю семью, с тетушками, бабушками и племенниками, устра-

ивая потрясающие посиделки с песнями, шашлыками и играми на свежем воздухе в своем большом доме. И несмотря на занятость в сфере нефтедобывающей промышленности, никогда не пропускал ничей день рождения или праздник, предпочитая экзотическим странам семейные собрания и торжества.

В конце августа Валентине Алексеевне был неожиданный звонок из департамента образования, просили дать характеристики Агапкиной Анжелики Игоревны, бывшего директора школы №2 и, благодаря ее же достижениям, «Лучшего колледжа №1» за последние несколько лет.

Валентина Алексеевна подтвердила заслуги, а также отметила гибкий мудрый руководящий стиль молодой директрисы. Уже с октября новый перспективный начальник гороно Агапкина А.И. приступила к своим обязанностям.

А с 1 сентября Михеева Валентина Алексеевна в очередной раз приняла первый класс с тридцатью маленькими симпатичными милыми ребятами, которым предстояло вырасти в больших и добрых дядь и теть.

Ну, а что же с поездкой в Лондон?

После всей этой шумихи, интриг, скандалов и расследований родительский комитет решил-таки, что их дети заслужили долгожданную поездку в Лондон, несмотря ни на что. А так как все родители колледжа №1 были людьми серьезными, при постах и хорошей работе, немалом окладе и с перспективами, им не составило труда самим собрать группу и оплатить поездку. Решили только слегка сдвинуть дату, поехать в туманный Альбион накануне волшебного Нового года. К группе решили присо-

единиться учительницы химии, физики, музыки и физкультуры, которые тоже давно планировали эту поездку. На общем собрании, где выбирались маршруты, поступило предложение пригласить в поездку Михееву Валентину Алексеевну. За счет большой компании турфирма делала скидку, таким образом, одна путевка получалась абсолютно бесплатной. Единогласно и единодушно все согласились с таким замечательным поворотом дел.

В этот потерянный «не лучший» для школы год Валентина Алексеевна побывала-таки на Бейкер-стрит, 226, украшенном к католическому рождеству невероятным количеством лампочек и потрясающей мишурой, запомнившемся сказочным волшебным гостеприимством лучшего детектива всех времен и народов Шерлока Холмса.

Это поездка стала одним из лучших моментов выпустившихся во взрослую сложную и прекрасную жизнь одиннадцатых «А», «Б» и «В» класса.

Конец сказочки

Вершно счастье

Николь сидела за партой во втором почетном для отличников и хорошистов ряду и переводила дух. Только что она получила пятерку за чтение вслух своего сочинения, домашнего задания, которое задала учительница для самостоятельной работы.

Николь размышляла над сочинением несколько дней, ей немного помогали в этом мама и няня: мама подправляла текст, а няня проверяла ошибки, – и пятерка не заставила себя ждать. Николь очень гордилась собой, хотя тема была пустяковой – описать свое счастье. Девочка подумала-подумала немного, вспомнила, когда она бывает больше всего счастливой и радостной, а потом аккуратно записала свои мысли в тетрадку. Мама одобрила написанное, ибо эти радостные минуты и ей доставляли большое удовольствие. Сложнее было выступить перед классом и без запинки, с выражением, прочесть свое сочинение. Вот здесь Николь поджидала небольшая трудность: дело в том, что на бумаге с проверенными ошибками текст казался стройным и красивым, но стоило только начать читать его вслух, как свои же собственные слова застревали во рту и казались вдруг какими-то странноватыми, а по-честному – даже глуповатыми. Конечно же,

пятерка за проделанную работу была заслуженная, но какая-то ненастоящая.

В чем же состояло счастье Николь?

Больше всего на свете девочке нравилось ходить по магазинам, или, как говорила мама, делать шоппинг. Один раз в месяц приезжал папа, который уже давно не жил с Николь, мамой и няней. Мама объяснила это дочке так: не сошлись характерами. Но папа никогда не забывал о Николь и обязательно выбирал время, чтобы провести его вместе с ней.

В этот единственный день папа становился настоящим волшебником: он увозил маму и Николь в дорогой торговый центр и они, словно принцессы, заходили то в один, то в другой бутик и покупали все, что вздумается и все, что понравится. От подарков и внимания мама становилась такая красивая, как в те дни, когда папа жил с ними. И уже это делало Николь счастливой, ей казалось, что они вместе и все опять хорошо, как раньше… Конечно, прибавляли счастья и новые туфельки, красивейшие наряды, забавные игрушки и вкуснючие суши-роллы в ее любимом японском ресторане, куда обязательно заводил их папа под конец встречи. Именно за этот день, за все подарки и за улыбки мамы Николь обожала его и прощала целый месяц разлуки. И хотя по приезду домой многочисленные пакеты и коробки оставались в прихожей нетронутыми и забытыми, этот счастливый день хранился в памяти долго, а его повторения Николь начинала с нетерпением ожидать, уже отсчитывая квадратики в календаре, прямо с возращения.

Девочка очень любила папу, и тот отвечал взаимностью – никогда-никогда ни в чем ей не отказывал. Вот таким было счастье Николь.

***

А сразу после нее к доске стали выходить другие ребята: Березкин Платон, чье счастье состояло в футболе. Папа Платона был большим фанатом испанской лиги чемпионов, играющих на поле в красивых желтых майках. Он обещал Платону, что когда-нибудь они переедут жить в Испанию, на родину лучшего игрока этой команды, и сын сможет пойти учиться в футбольную школу и каждую неделю посещать тот самый стадион. Папа поможет с тренировками, и со временем Платон тоже сможет стать настоящей звездой лиги. Мальчик верил папе, и эта общая мечта делала их счастливыми. Хотя их мама не разделяла этой радости, так как ей совсем не нравился футбол и она жаловалась на то, что папа больше любит чемпиона в желтой майке, чем ее.

Потом выступали девочки. Ложкина Ева, чьим счастьем было получать и дарить подарки, поэтому она обожала все праздники на свете. Она и ее мама с удовольствием ходили по многочисленным мероприятиям, дням рождения коллег, друзей и родственников, а выбор подарков или их получение занимало большое место в жизни Евы. По этому случаю она даже вела дневник: записывала, кому и когда что подарила, чтобы не ошибиться и не повториться в следующий раз. Ее мама, известный в городе адвокат, научила Еву этой премудрости, часто показывая свой испещренный красными и синими записями ежедневник с многочисленными заметками, примечаниями на полях, где пустовали лишь выходные: традиционно суббота отводилась мамой для личного времени, а воскресенье – семье.

В любимых презентах, что доставались Еве в последнее время, числились телефон последней

версии, электронные часы-плеер, супертонкий планшет и обещанный новый модный электронный самокат. Ева была счастлива и даже принесла показать на урок все эти вещи. Николь вдруг подумалось, что это выступление больше похоже на хвастанье, чем на искреннюю радость.

После нее вышла Серегина Аманда, девочке дали такое звучное имя в честь одной всемирно известной красавицы, прославившейся на подиуме и в кино. Это определило мечту и самой Аманды, которая уже к своим десяти годам снялась в нескольких рекламных роликах в качестве модели. Собственно, это и составляло ее основное счастье: ей очень нравилось позировать, выступать, участвовать в конкурсах. Мама Аманды гордилась успехами дочери и всячески помогала, даже ушла с работы, чтобы посвятить свое время развитию ее талантов. Именно поэтому вся школьная неделя девочки была расписана по минутам: школа, теннис, английский, урок актерского мастерства, рисование, бассейн, гимнастика.

Всем докладчикам поставили пятерки. Однако во время выступления одноклассников Николь немного злилась про себя и даже пару раз фыркнула вслух, она никак не могла отделаться от мысли, что все сочинения кажутся какими-то надуманными и ненастоящими, будто бы вместо ребят их написал кто-то другой.

Наконец, к доске вышла последняя ученица – Прошкина Вера, новенькая в этом классе. Было интересно послушать: что же делает счастливой ее?

– «Больше всего на свете я люблю, когда к нам в дом приходят гости, – начала девочка, держа в руках синюю тетрадку. – Накануне мама просит

меня и всех остальных сделать генеральную уборку в своих комнатах, расставить книги и вещи по местам. – Вера улыбнулась. – Это очень забавно, ведь именно во время уборки находятся вещи, давно считавшиеся потерянными или готовые к выбросу, а они оказываются еще интереснее, чем раньше. Уже с вечера у всех поднимается настроение: мама с бабушкой активно обсуждают угощения праздничного стола, они распределяют между собой приготовления блюд и порой соревнуются в поварском мастерстве. Мы с сестрами обожаем наблюдать эти милые перепалки – кто из них вкуснее готовит. Мама настаивает на правильном питании – больше зелени и свежести, а бабушка – на традиционном, с поджарками и пенками. Честно говоря, бабушкина кухня мне кажется вкуснее, а может быть, моя мама еще слишком молода, как говорит бабушка с папиной стороны, и не знает всех секретов кулинарии. – Вера перевела дыхание. – Папина задача обеспечить обстановку, то есть разобрать и расширить стол, привезти из гаража стулья и соленья, настроить музыкальный центр. Мы с сестрами отвечаем за упаковку подарков, которые родители заранее всем заготовили, а также наша обязанность – встреча и расселение гостей. Между нами тоже возникают перепалки по этому поводу, – заулыбалась Вера, – так, например, я люблю, чтобы в моей комнате останавливались погостить двоюродные сестры-близнецы Даша с Валей. Они очень забавные и делают все одновременно: разговаривают, смеются, плачут и даже чихают разом. Однако моя средняя сестра Оля тоже хочет побыть с ними, и поэтому, чтобы не ссориться, мы кидаем жребий – чья очередь на сегодня. Подготавливаем для гостей

одеяла, свежие простыни, пододеяльники, достаем из дальних шкафов подушки и дополнительные полотенца. Наконец, наступает мой любимый день – приезд гостей. Для меня это настоящий праздник! Первыми приезжают бабушки с дедушками, которых я очень люблю.

Мамина мама – бабушка Вера, в честь которой меня назвали, и дедушка Леня живут неподалеку, поэтому они прибывают самыми первыми. И хотя мы часто видимся, каждый раз они находят нас повзрослевшими. Конечно, не обходится без подарков. Мама иногда возмущается сладким сюрпризам и даже читает лекции своим родителям о вреде пирожных с конфетами для юных зубов, но бабушка и дедушка все равно каждый раз нас угощают чем-нибудь вкусненьким.

Папины родители – бабушка Наталья и дедушка Ваня живут в другом районе, папа вынужден вставать пораньше и заезжать за ними на машине. Поэтому каждый раз, когда они приезжают, первое, что говорит бабушка Наталья вместо приветствия, что ее не уважают в этом доме и поэтому привозят последней. Но, глядя на нас, забывается, начинает тепло улыбаться, крепко целует и тоже достает свои угощения из огромной хозяйственной сумки: маме дарит что-то из украшений своей молодости, которые та складывает в специальный ларец, приговаривая, что передарит все это своим внукам, – Вера хихикнула. – Нам дарят разные банты и заколки, которые словно по волшебству постоянно теряются, поэтому мы очень благодарны бабушке с дедушкой за пополнение запасов. А к столу приносится фирменное блюдо – манты с тыквой. Бабушка Наталья искренне считает, что это любимое

блюдо дедушки, папы и всех остальных. И хотя они много раз ей намекали, что это не так, – с чувством рассмеялась Вера, а за ней вдруг учительница Светлана Владимировна, будто вспомнившая нечто похожее из своей жизни, за которой подхватил смех весь класс, охваченный повествованием этого забавного сочинения, – она всегда готовит только его, не забывая поделиться секретами приготовления с бабушкой Верой, мамой и другими гостями, которые делают вид, что слышат это впервые.

Мы с сестрами всегда хватаемся за животы от смеха и плачем до слез от вида этой сцены. Иногда мне кажется, что бабушка капризничает и просто делает вид, что не помнит, что любят другие.

Дальше приезжают наши тети и дяди с многочисленными двоюродными братьями и сестрами, которых я очень крепко люблю. Каждый раз они привозят хорошие новости. Так, недавно у моей троюродной сестры Светы родился сын Ярослав, которого между собой стали называть Яриком. Это очень милый толстый карапуз, обожаю с ним нянчиться. Маленький Владик перестал писать в кровать, это отличная новость лично для меня, – приложила руку к сердцу Вера, – так как именно моей обязанностью было поднимать Владика ночью на горшок. Летом выходит замуж Анютка, дочь тети Марины, папиной сестры. У нее очень красивый жених, и на свадебное путешествие они поедут в Карелию. – Вера призадумалась, глядя в окно. – Я могу рассказывать об этом дне долго: как уморительно подшучивает дедушка Ваня над бабушкой Натальей, как потешно ругается дядя Степа, когда его обыгрывает в шахматы папа, презабавные истории тети Любы парикмахера, аппетитное поедание

и разбор рецептов наготовленных кушаний и яств, жаркие споры о политике дедушки Лени с другими взрослыми, любимейшее мною обсуждение совместных семейных планов на лето, визг и беготня малышни по дому, душевные песни за столом во главе с тетей Аллой и приятнейшие приготовления ко сну в обнимку с сестренками»…

Вера захлопнула тетрадку и убрала руки за спину, робко ожидая оценки.

– Молодец, Вера! – похвалила Светлана Владимировна. – Ты здорово передала атмосферу в доме! Действительно, это большое счастье иметь дружную любящую семью. Пятерка! Садись на свое место, пожалуйста.

Вера прошла к своему месту, и в это время прозвенел звонок. Урок русского языка был последним в этот школьный пятничный день, и перед тем, как разойтись по домам, новенькая ученица Вера Прошкина подошла к каждому ученику в классе и вручила приглашение на свой день рождения, который должен был состояться завтра в субботу.

Николь внимательно рассматривала врученную ей красивую открытку, пытаясь понять, где ее купили. Таких оригинальных приглашений девочка не видела ни в книжном, ни в салоне подарков, где обычно все ребята покупали поздравительные открытки или типовые приглашения на дни рождения.

– Это я сделала сама, – застенчиво улыбнулась Вера, – меня научила моя тетя, она занимается скрапбукингом. На самом деле это очень просто. Можно не только открытки, но и альбомы для фотографий делать своими руками. Я тебе покажу как-нибудь. Так ты придешь?

– Да, – просто ответила Николь, провожая взглядом Веру, радостно столкнувшуюся в коридоре со своими сестрами.

***

Николь целый вечер не могла найти себе места, и няня с мамой обратили внимание на эту суету. Она то с хмурым видом принималась что-то вырезать из бумаги, то с еще более суровым лицом копалась в своих вещах, вытряхивая предметы из коробок, к которым еще ни разу не прикасалась, они так и лежали многие не раскрытыми. Действительно, детская Николь больше напоминала склад игрушек, чем игровую комнату.

Наконец поздравительная открытка была готова. Неумело вырезанный маникюрными ножницами листик в форме снежинки, на котором лепились кривые звездочки и сердечки и с ошибками было написано поздравление, появился в руках у недоуменной мамы. Это показалось взрослым странным, ведь в шкафчике лежали купленные заранее профессионально отпечатанные открытки, где уже было написано красивое поздравление в стихах.

Николь попросила отвезти ее пораньше на день рождения новой школьной подруги, мама пыталась возразить, что некрасиво приезжать с утра в субботу, ведь люди могут спать или нежиться в ванне, как это делала она, посвящая субботний день уходу за телом и лицом: маникюр, педикюр, косметолог на дом…

Однако Николь, насупившись, потребовала исполнить ее желание, а так как ей никогда ни в чем не отказывали – не отказали и в этот раз.

***

Вера была так удивлена и приятно обрадована, увидев на пороге дома свою новую одноклассницу с огромной подарочной коробкой и мятой самодельной открыткой в руках, где криво были написаны слова «Поздравляю» и «Давай дружить».

Ведь еще накануне именинница очень переживала, примут ли приглашения на день рождения новые одноклассники? Придут ли? И вот самая интересная девочка класса пришла-таки поздравить Веру первой. Это был хороший знак. В красивой же коробке обнаружилось несметное количество потрясающих резинок для волос и заколок. Такое число Вере было просто не сносить за всю жизнь, поэтому добычу тут же разделили сестры, быстро разбирая по своим шкафчикам.

Вслед за Николь в дверь вошли бабушка с дедушкой, которые были нагружены коробками и пакетами до подбородка. Отложив вещи, бабушка Вера расцеловала внучек, а заодно и чужую девочку так, будто не видела их год. Имениннице торжественно вручили сверток, в котором обнаружился спортивный костюм милой розовой расцветки.

А потом все побежали готовить и накрывать на стол. Через полчаса в дверь опять позвонили. Вера, как хозяйка этого праздника, должна была стоять на посту и открывать двери, принимая подарки и раздавая тапочки, которых в доме было множество.

Уже с порога слышался недовольный голос бабушки Натальи: пыхтя, она жаловалась, что ее ни в грош не ставят в этом доме, всегда приглашают в последний момент, и поэтому она не успевает как следует подготовиться к празднику.

Вера с сестрами захихикали, прикрывая рты ладошками, а Николь вдруг почувствовала радостное удовольствие, щекотавшее ее изнутри, будто с ней уже это все происходило однажды. Ей так понравилось сочинение Веры, настолько позабавило и развеселило описание семейной обстановки, именно так она и представляла всех этих людей, которые, смеясь и шутя, вваливались в дом, держа в руках цветы и коробки, посуду и торты, целовались и обнимали друг друга, кидали шубы и шапки в чулан, обували предложенные тапочки и дружно шли в зал, где горел камин и ярко светила люстра. За окном было пасмурно и тоскливо, мартовская слякоть серыми кляксами, казалось, взяла в плен российский дворик. Наверное, именно поэтому становилось в миллион раз приятнее находиться в этом теплом доме с кучей веселых друзей и родственников в бушующем праздничном настроении.

Николь стояла в сторонке и улыбалась тихо, но от всей души. Пока другие дети играли в прятки, катались на новомодных самокатах и рассматривали новые гаджеты на планшетах, она помогала Вере открывать двери, перекладывать пальто, переносить подарки и передавать гостям тапочки. Ближе к обеду пожаловали тети и дяди, сестры и братья, друзья и одноклассники.

Дом стал похож на большой улей, где все двигалось и перемещалось, сопровождаясь тихими и громкими разговорами и смехом, словно пчелиным жужжаньем.

В коридоре бабушка Наталья поймала Николь, Еву и Аманду и попросила представиться. Когда девочки назвали свои имена и объяснили, кто они, бабушка вдруг всплеснула руками:

– Господи Боже мой, бедные детки! – и погладила каждую по симпатичной головке, скорбно качая головой. – Я все равно никогда не запомню этих ваших глупых имен, что дали вам бестолковые родители, поэтому буду звать тебя Никой, – и строго указала красивым морщинистым пальцем с перстнем на Николь, нежно ткнув в носик, – тебя – Леной, а тебя – Аней. Уж не обижайтесь, дорогие, на старушку. Приходите лучше, девочки, к нам в гости почаще. А когда вырастете, приезжайте с Верой ко мне на дачу. Я вас буду кормить настоящей едой, вы-то небось всякой картошкой химической питаетесь с этих забегаловок немытых? – и опять сокрушенно закачала головой. – Бедные, бедные дети…

Девочки, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться в голос и не обидеть старушку, дружно закивали головками и пообещали обязательно приехать.

Николь побежала к двери, в которую опять звонили: приехали новые гости. В дом, дышащие морозным паром и покрытые снежинками, вошли долгожданные близняшки и то ли от тепла, то ли от запахов, которые потянулись с кухни, вдруг одновременно чихнули.

– Валя и Даша, – тихо проговорила Николь, открывая рот от восторга и удивления при появлении одинаковых сестер.

Вся малышня, визжа, бросилась к ним на шею здороваться и целоваться, а Николь поймала себя на мысли, что тоже потянулась за поцелуями.

Вдруг сзади ее кто-то потянул за рукав, разворачивая к себе.

– Ты видишь, что творится, Вера Александровна, – бедные дети кушают гнилую картошку. Куда

смотрят родители?! – траурно разглядывала бабушка Наталья озадаченное лицо Николь.

Бабушка Вера с тоской в глазах откуда-то вытащила теплый пирожок с капустой и протянула девочке.

– Кушай, деточка… – сказала печально бабушка, поджав подкрашенные перламутром губы.

С другой стороны Николь уже тянули в зал, где пришедшая с мороза тетя Нина раскладывала ножницы и бумагу, чтобы научить всех этому странному невыговариваемому слову, когда можно делать красивые открытки своими руками.

С помощью Вериного папы, у которого был тоже последней версии телефон, как у Евы, ребята распечатали свои фотографии на принтере и начали увлекательную работу по причудливым открыткам. Каждый остался с именным подарком на память.

День рождения был в самом разгаре. Николь совсем и не заметила, как музыка, звучащая из музыкального центра сначала перетекла в песне-поздравления Верочки с одиннадцатью свечками на шикарном шоколадном торте «Птичье молоко», фирменном блюде бабушки Веры, а потом утекла рекой в дивные застольные женские напевы про березы и мороз. Все это было так странно и диковинно, что Николь не играла с одноклассниками, а гуляла из комнаты в комнату со своей открыткой в руках, на которой было изображено ее счастливое лицо в веселых наклейках, и не могла наслушаться и насмотреться на необычный праздник.

– Надеюсь, тебе не скучно? – спросила младшая сестра Веры Соня.

– Ой, что ты! Мне так весело…– задумчиво пробормотала Николь, слушая дедушку Леню, сердито настаивающего на чудесном советском прошлом.

– И детей не кормили гнилыми овощами, – вставила свои пять копеек бабушка Наталья, а бабушка Вера ей поддакнула.

– Папа, – миролюбиво начала мама Веры, – просто ты был молод и влюблен в этот мир, как мальчишка, все тебе казалось розовым и прекрасным, как кажется нам сейчас и будет казаться нашим детям в их время. И никакой кризис, нестабильность этому не помеха. Даже в войну многие умудрялись сохранить это чувство, приравненное к таланту, – быть счастливыми вопреки всему.

***

А тем временем за окном стемнело, и белые снежинки сказочно усыпали темно-синее стекло, у камина папа Веры душевно пел под гитару как раз про такую мартовскую нежданную метель, ему подпевали облепившие его со всех сторон дети. Эту песню ребята разучили вместе с ним на Новый год, и взрослые мальчики уже пробовали сами бренчать на струнах.

Николь и сама не заметила, как оказалась на диванчике, устало задремав от всего этого непривычного ей гама, шума, игр, пирожков, мантов с тыквой, песен и тепла.

***

Мама Николь, приехавшая к назначенному времени, обнаружила свернувшуюся калачиком спящую дочь, крепко держащую в руках открытку, сделанную своими руками, с которой смотрело счастливое девичье лицо, и сильно удивилась, хо-

тела было разбудить и увезти домой сонное чадо. Но родители Веры сначала уговорили оставить счастливую подружку до следующего дня, обещая накормить вкусным и полезным завтраком, например оставшимися мантами с тыквой, которые так неожиданно и к большому удовольствию Натальи Константиновны Прошкиной полюбились девочке, что она их слопала целую горку. А во-вторых, уговорили сесть за праздничный стол и отведать вкусностей, которые расхваливались со всех сторон теми, кто их наготовил. Уже через часок-другой мама Николь Жанна вспомнила юность в школьном хоре и проявила знатную память и замечательный голос, присоединившись к общему песнопению до глубокой ночи…

Как почетную гостью Николь уложили на самом лучшем месте, между близнецами Валей и Дашей, а Верочка с легкостью легла на полу со всеми остальными детишками, заботливо укрытыми бабушкиными стараниями несколькими пуховыми одеялами. Дети постоянно раскрывались, но бодрствующие сторожа не спускали с них строгих глаз и тут же вновь их укутывали.

Владика на всякий случай положили отдельно…

Конец сказочки

Алиса и Волшебный Папоротник

Алиса всегда знала, что она необычная девочка. Это было страшным секретом, но она думала, что является черной ведьмой… Да-да! Вы не ослышались! Именно черная ведьма. И на это имелись свои доказательства.

Сначала Алисе казалось, что она белая, но потом, прочитав все сказки в библиотеке отца, а также придирчиво рассмотрев под его огромной лупой все картинки волшебниц, девочка пришла к выводу, что она все-таки черная.

Феи и прочие добрые крылатые создания, исполняющие желания, конечно, были очень милыми и красивыми, но обладали, по мнению Алисы, одним нехорошим качеством: из-за своей доброты верили на слово всем подряд и тем самым совершали страшные ошибки, от которых страдали они же сами и добрые люди. К концу сказки добро, конечно, побеждало зло, и девочка, как все прочие дети, была этому очень рада, но в душе сочувствовала коварным королевам, бабам-ягам и всяким колдуньям. Ведь черная ведьма, если ее правильно попросить, могла наказывать врагов, а вот белая –

нет. А порой защищать и охранять близких было ох как нужно, и тут уж кастрюлями да тыквами или мыльными пузырями не обойдешься, а вот метлой или парой грозных молний можно было бы быстренько навести порядок и прогнать негодяев. А еще, если честно, ей очень нравились мрачные и пугающие наряды колдуний и всякие там пауки с летучими мышами. Поэтому Алиса твердо решила, что она – именно черная ведьма. В будущем обещала себе быть справедливой и направлять свою злую силу только на плохих людей. Если бы старшие сестры узнали об этом страшном секрете, то засмеяли бы Алису, и ей волей-неволей пришлось бы превратить их в квакающих лягушек. Поэтому девочка жалела глупых сестер, старалась держать все в тайне. Записывала все свои мысли, а также колдовские рецепты в тайный дневничок, не разлучалась с ним ни на секунду и вообще больше слушала, чем болтала.

К своим восьми годам Алиса уже умела многое, например управлять погодой. Скажем, на улице было холодно и бонна умоляла одеть калоши и рейтузы, но маленькая колдунья ни за что не соглашалась, зная, что к концу прогулки распогодится. Ей, конечно же, никто не верил, и все пытались надавить на нее упреками и угрозами, но в запасе у Алисы были тяжелые колдовские заклинания, которые нужно было громко-громко кричать, чтоб они подействовали. От такого магического противостояния старшие сестры в ужасе закрывали уши руками, а бонна почти падала без чувств, и, конечно, такой магии никто не мог противостоять. Волшебный голос маленькой колдуньи заставлял няню смириться и идти гулять

как есть: они – в осеннем, Алиса – в летнем. Каково же было удивление первых, когда через часок-другой солнышко выходило из-за туч и так по-летнему подогревало землю, что по возвращению бонна и сестры были похожи на взлохмаченных кикимор, а Алиса – на свежий огурчик, шагающий налегке.

Ради справедливости надо отметить, что погода не всегда слушалась Алису. Случались и промахи, но девочка понимала почему. Конечно же, из-за молодости и неопытности. Вот подрастет – можно и тучи руками развести, и молнию пустить, а с большой практикой Алиса и вовсе надеялась повторить декабрьские морозы и сугробы как на Рождество, скажем, в сентябре или марте, когда на улице появляется отвратительная слякоть и серость. Вот будет здорово! Вот обрадуется мама, любившая этот волшебный праздник больше всех остальных.

Также Алиса могла читать мысли других людей. Это было ее излюбленным занятием – притвориться невидимкой где-нибудь в углу и слушать разговоры взрослых, а заодно и читать их мысли.

Это было нелегким занятием, поэтому в дневничке существовал отдельный раздел, куда Алиса записывала то, что не понимала. Поначалу девочка переспрашивала все это у бонны, но та так удивлялась вопросам, порой охая и пугливо прикрывая рот рукой, что пришлось прекратить подобные расспросы. Но маленькая волшебница надеялась, что во взрослой жизни все это разрешится само собой. Ведь она не понимала взрослых лишь потому, что была ребенком. А это затруднительное неудобство должно было исчезнуть через каких-то десять-пятнадцать лет. Алиса была очень терпеливой, поэ-

тому аккуратно записывала «непонятности» в тетрадку в надежде найти ответы на них в будущем.

Вот, скажем, мысли няни были глупые и смешные, если Алисе было грустно, то она непременно приходила в комнату к воспитательнице и слушала их. Часто лишь они одни поднимали ей настроение, от чего она начинала хихикать и хвататься за живот от смеха. Со стороны казалось, что без причины, но только Алиса знала, что бонна много и часто думает о еде, иногда даже разговаривает с булочками и печеньками, зазывает их к себе в рот, но просит не портить фигуру. Тема тонкой талии была частой в мыслях у молодой женщины. И хотя она была довольно симпатичная, внешне напоминала любимые ею булочки, а когда улыбалась, так и вовсе становилась похожа на сдобный пирог с вишней. Борьба с лишним весом заполняла почти все ее мысли. Часто бонна ходила не в настроении, потому что сорилась с тем или иным салатом или невкусной кашей, которые вынуждена была есть для сохранения фигуры, втайне мечтая о круассанах и тортиках.

Но и здесь Алиса сталкивалась с непонятностями. Например, мысли про веселый пунш и сына булочника с круглой площади. Как пунш сочетался с розовощеким толстяком, таскающим подносы с поджаристым хлебом и заставляющим мысли бонны становиться похожими на растаявшее мороженое, Алиса не могла взять в толк. Подолгу девочка вглядывалась в мечтательные влажные глаза бонны в надежде прочесть там разгадку, но все без толку. И тогда в дневнике пришлось выделить отдельный раздел с этими ребусами под названием «Амур». Этот самый Амур, а еще его называли

Любовь, странным образом волновал сердца большого количества людей вокруг. Именно поэтому пришлось отдельно выделить под него страницы. Например, старшие сестры были сильно озабочены тем, какой Амур их ждет в будущем. Оказывается, в его поисках было столько препятствий, что про некоторые из них не то что говорить – боялись думать. Все это было странно и тревожно. Алиса знала про себя, что она не трусиха, порой вела себя даже храбрее, чем некоторые, поэтому решила, что когда Амур придет в ее жизнь, она не станет с ним церемониться и растекаться, как кисель. Одним словом, каждый день приносил много забот, с которыми еще предстояло разбираться и разбираться. Единственным человеком, чьи мысли совсем не поддавались пониманию Алисы, была ее мама. Когда маленькая волшебница пыталась их прочесть, то сразу же впадала в какое-то странное состояние: терялась, где право, а где лево, краски меркли, и воцарялась непонятная серая пустота с неясными звуками. Казалось, что ты очутился один в лесу в сильный туман, который застилает все вокруг, и уже не видишь ни неба, ни земли, даже своей руки, только неясные тени гуляют вокруг и о чем-то разговаривают между собой. Вот так могла бы описать мамины мысли Алиса. Серая пустота. Девочка могла бы спросить у папы про эту непонятность, тот знал про все на свете, потому что у него было очень много книг, и он их прочел сам, без помощи бонны. Но спросить было не у кого, еще прошлой зимой папа уехал в дальнюю деловую поездку. Отпраздновал с ними любимый мамин праздник Рождество и под утро уехал. Если бы Алиса знала о поездке заранее, то обязательно загадала бы Дедушке Морозу,

чтобы папа поскорее вернулся, но ее, как младшую в семье, никто не оповестил. Желание зря было растрачено на фарфоровую Матильду из далекого города Парижа.

Девочка очень скучала по папе и понимала, что серая пустота в голове у мамы тоже скучает по нему, потому что раньше, до Рождества, мысли мамы были совсем другие, яркие и веселые, будто радуга. Сколько она ни пыталась применить свое колдовство в этом вопросе, будь то пронзительный крик или магическое молчание, – ничего не помогало. Зато Алиса нашла другой способ растворять серую пустоту. Девочка заметила, что если мама выходит на прогулку вместе со всеми, то через некоторое время пустота рассеивается, пусть и ненадолго. С тех пор, как девочка разгадала эту волшебную особенность прогулки всей семьей – мама, две старшие сестры, Алиса, бонна и их огромный пес Барбос – они каждую субботу или воскресенье стали выезжать в лес. Весною искали цветы, летом – ягоды, осенью – грибы. Ну, а зимой искать ничего не нужно было, так как на носу яркими огоньками горело Рождество, а от его приближения так и так поднималось настроение. На свежем воздухе Алиса еще больше старалась очаровать маму, рассеивая серую пустоту: нежно ласкалась об ее руки и мысленно посылала ей магические приказы рассказывать сказки. От придуманных волшебных историй мысли мамочки уплывали в другие миры и на целый день таким образом прогоняли туманность из головы. Почти всегда мама соглашалась, и улыбка озаряла ее лицо до самой ночи.

И вот сегодня в погожий летний денек вся семья, включая огромного мохнатого пса Барбоса, который

обожал играть с Алисой, таская ей длинные палки, выбралась в лес. Одни принялись бродить, собирая душистые букеты под будущие закладки для книг или для гербария, другие просто вдыхали свежий лесной воздух и слушали чириканье птиц в разгар лета. Бонна же разглядывала облачка, мысленно сравнивая их с пирожными. Как вдруг Алиса сказала:

– Мамочка, а расскажи сказку…

Вся компания обернулась к высокой стройной фигуре, мечтательно устремившейся к лучам яркого солнышка.

– Я хочу сказку про папу, – серьезно попросила Алиса. Старшие сестры зашипели и зашикали на ничего не понимающую девочку, а бонна и вовсе захотела увести ее прочь.

Мама подняла глаза и настороженно посмотрела на сосредоточенные в ожидании ответа лица своих детей, затем печально опустила их, внутренне собираясь с силами, и ответила:

– Хорошо, дорогие, я расскажу сказку, – девочки вскинули удивленные взоры на маму, не ожидая такого ответа, а потом облегченно выдохнули, будто не дышали все то время, пока она переводила дух.

Мама тепло улыбнулась, внимательно разглядывая девочек, а Алиса подумала, что ее чары все-таки работают, лес и сказки рассеяли серый туман.

– Я расскажу вам сказку про заколдованного папу.

Дети побросали свои корзинки, бонна отставила свои листики в сторону, и даже пес будто в предвкушении уселся у ног мамы в ожидании этого волшебного момента.

Алиса обожала эти мгновения, ведь все мамочкины сказки всегда заканчивались хорошо, и даже злодеи осознавали свое плохое поведение и превращались в добрых друзей. А значит, и эта сказка про папу обязательно должна закончиться хорошо.

– Однажды мне приснился странный сон, – туманно начала свою сказку мама, – будто бы ночью ко мне в окно кто-то постучался. Неясный тихий шелест. Я встала, хотела зажечь свечу, но вдруг увидела, что комната полна лунного сияния, и в ней светло как днем. Я распахнула тяжелые гардины, но никого не увидела за окном. Однако, приоткрыв ставни, вдруг обнаружила разъяренную шипящую змею у своих ног, которая яростно бросилась вперед и укусила меня. В этот страшный момент я проснулась.

Дети испуганно втянули тонкие шейки, бонна беззвучно ахнула, и только Алиса тихо посмеивалась про себя от удовольствия. Начало со змеей было многообещающим, тут без черных ведьм не обойдется, подумала Алиса, мысленно потирая ручки. Сказка обещала стать любимой.

– Но это был просто плохой сон, о котором я вскоре забыла. В тот день все казалось как всегда, быть может, только день стоял более пасмурный, чем обычно, и ваш отец хмурился без причины. Когда наступило ночное время, мы спокойно легли спать, но и в эту ночь я услышала тревожное постукивание по стеклу. Я не хотела подходить к окну, но стук не прекращался, будто кто-то камушком царапал его, подзывая меня. Собрав всю смелость, приоткрыла-таки портьеры и увидела огромного ворона, сидящего на перилах балкона. Черные глаза огромной птицы недобро уставились на меня, но

я решилась перебороть страх и открыть ставни. Ворон глухо гаркнул: «Твой муж умрет!» – и, ожесточенно взмахнув крыльями, улетел прочь, оставив меня стоять в тихом ужасе.

Мама посмотрела на завороженно слушающих детей и про себя тихо улыбнулась. В этот раз даже Алиса приоткрыла рот от такого неожиданного поворота событий, но с радостью отметила, что серая пустота исчезла из мыслей мамочки. Вместо нее появилась яркая вспышка ярко-оранжевого цвета.

– Наутро, спустившись к завтраку, я увидела, что ваш отец будто постарел за эту ночь, и часть его густых каштановых волос поседели. Ничего ему не рассказав, я стала ждать ночи. Что и говорить, плохое предчувствие не оставляло меня, и ровно в полночь луна вновь осветила нашу спальню ярким светом, и в окно постучали. На балконе меня ожидала огромная львица!

Бонна ойкнула и в страхе закрыла лицо руками. Алиса поближе прижалась к няне, поглаживая ее по плечу, зная, что ничего страшного не случится, ведь это же просто сказочка.

– Ее блестящие глаза грозно и хищно взирали на меня, – продолжала свою мрачную сказку мама, – и как только я открыла ставни, она заговорила, обнажая острые кинжалы клыков: «Твой муж умрет!» – прорычала огромная кошка, устрашающе вильнув хвостом, легко перепрыгивая через ограду и скрываясь в утреннем тумане.

Сердце мое было полно тревоги, когда наутро я спускалась к завтраку. И с большой горечью я отметила, как осунулся и еще больше постарел ваш отец, будто эта ночь стоила ему десятилетия. Еще больше посуровел, взгляд стал тяжелый и холод-

ный, с трудом я узнавала в нем того, кого когда-то полюбила.

В четвертую ночь я и вовсе не ложилась, зная, что черное колдовство не закончилось и что говорящие звери со страшными предсказаниями придут вновь.

Алиса немного засомневалась, но все-таки решилась спросить:

– Мамочка, но ты их победила?

Не посмотрев на дочь, глядя куда-то вдаль, мама обняла стройный ствол березы, будто опираясь на него, и продолжила:

– Никто не постучал в окно в эту ночь. Серебряной вспышкой луна осветила комнату, а потом огромная черная тень накрыла наш дом. Смело я подошла к окну, решая, чему быть – того не миновать, и отворила ставни.

Мурашки побежали по коже девочек, а Алиса сердито наморщила свой высокий лоб, недовольно ерзая на своем месте.

– Огромный черный дракон, грозно раздувая свой чешуйчатый капюшон и размахивая мощными крыльями, застыл в воздухе прямо напротив меня. Его тень заслонила луну и черным облаком накрыла наш дом.

Он молчал, зловеще глядя на меня своими гигантскими змеиными глазищами, предвещая своим появлением недоброе… И грозно взмахнув крыльями, улетел высоко в небо…

Мама вздохнула, как будто бы вспоминая все эти страшные события, и, устремляя свой взор в небо, продолжала сказку.

– Во сне отец ваш полностью поседел, постарел, скрючился и стал похож на злобного горбуна

из подземелья гномов. Больше я не узнавала в нем того, кого любила больше жизни. В моей постели лежал уродливый старец… Моему отчаянию не было предела. Злые чары украли мой покой, и рано утром, никому ничего не говоря, я собралась в дорогу.

Слышала я когда-то от нашей кухарки, что далеко за пределами губернии в чаще леса живет одна черная ведьма. Уж она-то должна была разгадать, что произошло с моим мужем.

Алиса тяжело вздохнула: она так и знала, что без черной ведьмы здесь не обошлось.

– А как известно, злые чары может снять только черная колдунья, – вещала мамочка.

– И навести проклятья тоже может только злая колдунья! – не выдержала Алиса, желая вставить свое словечко в тему, в которой разбиралась лучше всех, по ее мнению.

– Да, – согласилась мама. – Долго я искала ее дом, запрятанный в глухой чаще, но отчаяние и страх меня подгоняли. Я знала, что обязательно должна найти ее и расколдовать вашего отца. И никто не мог остановить меня.

– Она была ужасная? – робко спросила Алиса, хмуря светлые бровки.

– Как и все черные ведьмы, она была ужасна: черные, как акульи, глаза сверлили меня насквозь, желтая кожа пахла лягушками и водорослями. Вся обмотанная в лохмотья встретила она меня у себя на пороге, будто поджидая. «Заходи, давно тебя жду, – скрипучим голосом пропела колдунья и проводила меня к себе в дом, усаживая за деревянный стол. – Ничего не говори, сама тебе расскажу зачем пожаловала», – и она достала из лохмотьев старые

мятые карты, уродливыми пальцами стала раскладывать их на столе.

– Мамочка, тебе не было страшно? – слезливо взмолились старшие дочери.

Алиса вспыхнула и шикнула на глупых сестер:

– Мама смелая! А смелым колдовство – не помеха! – грозно вскричала девочка и поближе придвинулась к матери, страстно внимая продолжению.

– Я совсем не боялась, девочки. Алиса права, когда ты веришь в себя и свою правоту, то неведомая сила делает тебя очень смелым и решительным. И ради любого из вас, даже ради Барбоса, я бы вошла в самый дьявольский чертог, – отвечала мама. – Итак, колдунья разложила передо мною свои древние карты и стала вещать: «Вижу ты замужем…– хрипло пропела ведьма, вглядываясь в бесцветные картинки, – злой человек твой муж!» «Бывает он иногда злым, это правда, – соглашалась я, – когда дела идут не так, как хочется, или случаются неприятности непредвиденные. Однако с нами не припомню, чтобы он злым или суровым был». «Жадный твой муженек, от него и снега зимой не допросишься», – ехидствовала старуха, перекладывая колдовские карты. «Бережливый и экономный бывал, с лихих людей требовал свое сурово, но нас никогда ничем не обделял, всегда дорогие подарки дарил, не экономил», – отвечала я. «Гордый твой муж и себялюбивый! И ради гордости своей любому дорогу перейдет и на горло наступит», – зло улыбнулась желтозубым ртом старая карга и закашлялась от своего страшного смеха. «Гордый – это тоже правда, так он для нас – повелитель и господин, – улыбнулась я в ответ, вспоминая величественное лицо вашего отца. – Большому мужу нужно быть

гордым за те заслуги перед семьей, что он творит и делает. И для нас он большая гордость». «Как сладко говоришь – рассказываешь про него, прям украсть хочется такого доброго супруга у тебя, – зловредно захохотала ведьма. – А все-таки карты мои правду говорят, и пришло его время по счетам платить за злость, черствость и гордость свою. Умрет твой муж! – глухо каркнула ведьма, быстро собрала свои карты со стола и спрятала за пазуху. – Затем ты и пришла! Узнать хочешь, как спасти твоего суженого?!» «Ну, так скажи мне, ведьма, есть ли зелье или колдовство, способное оградить его от смерти?» Долго колдунья думала, хитро щелкая зубищами. «Есть! Да ты на такое не пойдешь». «Скажи мне, я сама решу, как быть. Что нужно сделать?» «В черный час в самый жаркий день лета пойти в лес и найти там Волшебный Папоротник. Раз в сто лет он распускает невиданный красоты цветок, исполняющий любые желания. Он может спасти твоего мужа!»

Я услышала, что хотела и засобиралась домой, однако колдунья меня остановила. «Сегодня тот самый день, и этой ночью Волшебный Папоротник расцветет в нашем лесу. Множество лихих людей будет его искать, опасное это занятие с ними соревноваться, могут и зашибить ради желания». «Я не боюсь». «Коли найдешь его и загадаешь желание, не для себя, а ради другого – себя возненавидишь, а он тебя… – заговорщицки зашептала старая карга. – Живым останется твой муж, не умрет, но семью забудет навсегда, будто никогда и не знал вас. И на улице, если встретишь его, покажется он тебе другим, вроде его подменили. И будет он чужой и неродной… И все хорошее, что было между вами –

канет в лету…» – закончила ведьма свое страшное предсказание.

Воцарилось молчание.

Мама глубоко вздохнула, посмотрела на голубое небо, похожее на то самое, что было прошлым летом, обошла вокруг березы, лаская ее своими тонкими руками, вновь собралась с духом и продолжила свою сказку.

– В тот день было особенно жарко, и ночь была черная словно крыло того ворона, что предсказал мне судьбу. Точно такая же ночь, как сегодня. Я кинула на прощание колдунье золотую монету за работу, и та, жадно схватив, положила ее себе за пазуху, смеясь и злорадствуя злому пророчеству.

Был уже поздний вечер, и не раздумывая я направилась в черный лес в поисках Волшебного Папоротника. Неясные крики доносились с разных сторон, пугая своим завыванием, белые туманные тени вставали у меня на пути, преграждая дорогу, колючие кусты и трава цепляли и рвали мое платье, царапая лицо и руки. Однако всего этого я будто не видела, шла вперед на ощупь, будто с закрытыми глазами. Позабыла обо всем на свете: о страхе, боли… И ровно в полночь стихли все звуки, погасли все тени, и сначала издалека, а потом все яснее и ближе я увидела необычное сияние.

Описать это явление невозможно! Невероятной красоты создание, похожее на цветок, поднималось из-под земли и тянулось своим сияющим мощным стеблем вверх, распространяя на всю округу неземной свет и восхитительное благоухание. Сотнями тысяч бриллиантов окрашивались деревья, воздух и земля. Я знала, что найду этот волшебный цветок!

От моего приближения он ожил и будто обнял меня своими чудесными листьями, а его прекрасный бутон приложился к моим губам, внимая желанию. И, несмотря на страшные предостережения колдуньи, я пожелала, чтобы ваш отец остался жив, был здоров и счастлив.

Цветок колыхнулся и сказочным разноцветным дуновением послал мое желание в звездное небо. Ярким фейерверком оно взорвалось там, сбываясь…

Бонна всхлипнула от нахлынувших чувств, кивая головой в согласии, что поступила бы точно также, если б ей пришлось выбирать ради любви.

Алиса прикусила губу, сдерживая слезы, сказка тронула ее, и она с нетерпением ожидала продолжения. Старшие девочки затаили дыхание, гадая, чем закончится история.

Мама печально улыбнулась.

– Колдовство сработало. Волшебный Папоротник исполнил мое желание. Придя домой, я не увидела желтого зловредного старика в своей постели, но и вашего отца там тоже не было.

– Мама, а ты еще встречала папу? – взволнованно спросила старшая дочь.

– Да, дорогая моя, как и обещала колдунья, ваш отец жив-здоров, но навеки заколдован. Теперь у него другая жизнь, и там, в этой жизни, больше нет нас. Такова цена черной магии.

Все застыли в нерешительности. Никто не ожидал такого странного окончания сказки.

– А как же он вернется, если заколдован? – недоумевала Алиса.

– Это колдовство невозможно расколдовать. Желание Волшебного Папоротника нельзя рассеять,

иначе проклятие возвратится. Ваш отец никогда не вернется… Что сделано – то сделано.

Бонна растерянно смотрела на свою хозяйку, старшие девочки, замерев на месте, озадаченно пытались понять смысл услышанного, Алиса также застыла, теряясь в догадках, и только пес Барбос был рад, что сказка наконец закончилась и можно снова приступить к игре. Виляя хвостом, он толкал Алису в спину, приглашая к веселью.

– А мы сможем его увидеть? – спросила Алиса дрожащим голоском.

– Конечно, девочка! Ваш отец жив! Это самое главное! Сказка закончилась хорошо. Вы можете видеть его.

Эти слова будто стряхнули оцепенение с детей, они вдруг весело подпрыгнули, взялись за руки, стали кружиться, вместе с ними подплясывал и пес Барбос, и, забыв свои корзинки, гербарии и все на свете, они радостно побежали в дом.

Бонна, пыхтя, побежала за воспитанницами, оставляя хозяйку в одиночестве.

Мама, печально вздохнув, посмотрела на красный закат летнего денька, проводила взглядом улетающих в лето птиц и стала собирать разбросанные и забытые детьми вещи.

***

Дома семью ждал вкусный ужин, приготовленный доброй кухаркой, вот уже много лет готовившей для этой семьи разные полезные и любимые блюда. После столь продолжительной прогулки разыгрался нешуточный аппетит! Дети пошли в свои комнаты, чтобы переодеться к столу, и все, как

сговорившись, оделись нарядно, будто сегодня был праздник.

Находясь под впечатлением от прогулки и рассказанной сказки, каждый был занят своими мыслями, витая где-то в облаках и представляя себе грядущее. Обед сопровождался приятной атмосферой за столом, как это было в прежние времена. И, несмотря на тишину, чувствовалась какая-то расслабленность и умиротворение.

Между тем Алиса ела без особого аппетита, все припоминая ход сказки. Ее мысли не были столь воздушными, как у прочих, наоборот, витали в практичном русле. Ее даже не трогали веселые мысли бонны по соседству, вот уже час беседующей с пирогом с вишней, уговаривая его не смотреть на нее так призывно.

Еще у Алисы возникла маленькая проблема – она потеряла дневник. Ни в комнате, ни в залах, ни на веранде его не оказалось, конечно, она догадывалась, что оставила его в лесу.

Но это было даже кстати. Дело в том, что сегодня ночью Алиса собиралась в лес искать Волшебный Папоротник и заодно посетить ту поляну, где обронила дневничок после удивительной новости, что папа жив и здоров.

Каждый раз при мысли о ночном путешествии, сердце Алисы начинало бешено колотиться, щеки румянились, но она старалась не подавать виду и мило улыбалась самой своей добродушной улыбкой бонне и маме.

Взрослые не могли остаться равнодушными к такому очарованию и с удовольствием трепали малышку за пухлые щечки и прижимали к груди.

Ужин закончился, все дружно убрали со стола, потушили свечи, попрощались на ночь и разбрелись по своим комнатам немного почитать и спокойно отойти ко сну.

***

Это был странный день, и, слава богу, он заканчивался, поэтому бонна не обратила внимания на то, что самая младшая ее подопечная, возможно, первый раз за долгое время не попросила почитать ее любимые сказки и почесать спинку перед сном. Уставшая молодая женщина легла спать раньше обычного, злясь и жалуясь на саму себя за проявленную слабость к вишневому пирогу.

Алиса, дождавшись крепкого сна своей воспитательницы, спокойно встала с постели, снимая пижаму и вновь одеваясь теперь уже на ночную прогулку. Достала длинный осенний плащ, обычно носимый в ненастную погоду, резиновые сапожки для глубоких луж и на всякий случай зонтик.

Плащ должен был спасти от страшных цыган, сделав Алису невидимкой, сапоги охранять ножки от злой крапивы и ядовитых змей, ну, а зонтик в какой-то момент мог пригодиться, как магическое оружие. Правда, Алиса пока не решила, с кем и против чего она будет бороться, но это могло выясниться прямо на месте. А кто предупрежден, тот вооружен, как говорится. Девочка быстро сбегала на кухню за свечами и спичками, также захватив остатки пирога с вишней. И в полной готовности, невидимая и вооруженная,

она прошла мимо библиотеки отца, где ярко горел камин, видимо, мамочка еще не ложилась, читая на ночь. Тихонько, стараясь не шуметь, маленькая колдунья прошмыгнула к центральной двери дома.

***

В полной темноте на ощупь Алиса протянула руку вперед, желая открыть дверь, но вместо этого наткнулась на нечто теплое и мягкое. А через мгновение кто-то взял за руку ее, и Алиса ойкнула от неожиданности.

Перед ней стояла высокая фигура мамы, молча наблюдая за изумленной дочерью, облаченной в длинный плащ, и ожидая объяснений.

Мысли Алисы, словно тараканы, разбежались в разные стороны, и она путалась в догадках, как же мамочка узнала о тайном плане. Наконец, собравшись с чувствами, маленькая колдунья поняла. Как же она раньше не догадалась? Мама тоже ведьма и тоже умеет читать мысли.

– Да, Алиса, я тоже умею читать мысли, – будто в подтверждение сказала мама, серьезно глядя дочери в глаза. – Скажи мне, какое желание ты хотела загадать Волшебному Папоротнику?

Алиса затаилась, но зная, что правосудие неизбежно, решила рассказать все.

– Я хотела, чтобы у тебя было всегда хорошее настроение и ты прожила тысячу лет, – грустно повесила голову Алиса.

В этот момент она, конечно же, не заметила, как мамочка мучительно прикусила губу и быстро смахнула горькую слезу. И конечно же, девочка не

почувствовала, как испуганно сжалось материнское сердце от страха и боли за своего ребенка.

– Послушай меня, Алиса… Ты уже совсем взрослая и к тому же умеешь читать мысли и владеешь магией. Я буду говорить с тобой как с равной, – твердо провозгласила мама.

Алиса подняла голову и радостно оживилась, ожидая продолжения.

– Я очень сильная волшебница, девочка, именно поэтому мне были не страшны ни говорящие звери, ни черные колдуньи, ни злые чары. И перед лицом собственного страха я тоже не сдалась и сделала то, что считала нужным. Волшебный Папоротник не только исполнил мое желание, но и усилил мою магию. Я стала в тысячу раз сильнее и теперь сама могу исполнять желания. Ты можешь быть абсолютно спокойна за меня, нет такого колдовства, которое может меня поразить. И тебе не нужно больше спасать или охранять меня.

Алиса изумленно уставилась на маму, чей образ вдруг осветился и стал сиять в ночи, будто волшебная радуга опоясала ее со всех сторон. Слова и звуки превращались в журчащие перезвоны, расплывались вокруг переливающимися лучами света.

Мама взяла за руки ошеломленную Алису и, глядя проникновенно ей в глаза, продолжала:

– Колдунья была права: желание, загаданное ради другого, приносит только печаль и слезы дарителю. Никто не может сделать счастливым иного человека без его согласия, даже Волшебный Папоротник. Мне понадобилось время, чтобы понять эту простую мысль, и серая пустота поселилась в моей голове, но и она не была мне врагом, наоборот, помогла разобраться в себе. И знаешь, что я тебе скажу?

Если можно было бы вернуть все назад, я все равно поступила так же, – и мама тепло улыбнулась. – Твой отец навсегда останется для меня тем любимым и дорогим другом, который подарил мне столько всего хорошего, например таких добрых, смелых, умных, талантливых детей. И я рада, что, несмотря ни на что, желание сбылось, а злые чары рассеялись, и вы можете по-прежнему видеть его. Ну а меня ждет новая жизнь и сказочные приключения, поверь мне.

Девочка кивнула, и глаза наполнились счастливыми слезами.

– Я не хочу жить тысячу лет, Алиса, но обещаю, что все будет хорошо, и я буду очень-очень счастлива, – и мама крепко обняла взволнованную дочь.

– Это все потому, что ты белая ведьма, – пропищала Алиса, всхлипывая на плече, – а их сказки всегда заканчиваются хорошо.

– Да, дорогая, – соглашалась мама. – В этом мире выгодно быть доброй, и тогда тебя будет ждать только добро. Хорошие люди видят только хорошие знаки, – мама продолжала поглаживать по маленькому плечу хлюпающую носом маленькую волшебницу.

– Я тоже буду белой ведьмой, как ты, потому что черные колдуньи очень некрасивые и вредные…

– Да, Алиса, ты права… – тихо сказала мама, беря на руки засыпающую дочку и нежно поглаживая ее по усталой головке.

Волшебный зонтик, резиновые сапожки, пакет с вишневым пирогом и маленький дневник глухо падали на пол…

Конец сказочки

Приключения Славика Вселенского

Посвящается моему потерявшемуся в космосе Славику. Люблю тебя крепко. Твоя М.

Глава 1. Доказательства

Если отбросить в сторону всякие девчачьи слезки и детдомовскую болтовню о том, что каждый ребенок в интернате уникальный и его непременно ждут самые лучшие родители и пресамое светлое будущее, то Славик Вселенский был совершенно другое дело! Мальчик точно знал, что он особенный и у него действительно необыкновенные, самые замечательные родители на свете! И да! Существовала тайна, почему им пришлось оставить Славика в детском доме. Мальчик был уверен, что и сами родители по сей день горько плачут, клянут эту проклятую тайну и разыскивают его по всему белу свету вот уже одиннадцать лет. И на то у Славика имелись самые веские доказательства. Вот!

Во-первых, это имя. Вы, конечно же, разведете руками в стороны, мол, ерунда полнейшая. В мире

миллионы миллионов (ну или чуть-чуть поменьше того) Славиков, и все они одного сапога пара. И окажетесь неправы. Славик выходил не каким-нибудь там уменьшительно-ласкательным из Вячеслава, Владислава или Святослава, и им подобным. Славик был Слава, понимаете? То есть мама назвала его именно так, а никак иначе. И в документах, значимых по его делу, было черным по белому записано: по прибытию в детский дом, у которого нашли новорожденного, имелась записка, написанная от руки матери подопечного, где она назвала его Славой Вселенским. Записки, правда, след простыл… Славик уже лазил в архив детдома, перерыл там все, но так и не нашел этой такой дорогой его сердцу бумажки. Единственное, что связывало теперь его с потерявшимися (или потерявшими) родителями, это его ФИО – Вселенский Слава Славович. Отчество дали уже в детском доме, ибо в записке лишь указывалось ФИ.

А мама не могла назвать его именно так, а потом оставить, чтобы не вернуться. Или чтобы он, Славик, не смог вернуться в ее объятия. Не могло быть такого! В его имени однозначно хранился ключ, как и где ее искать. И когда мальчик вырос, научился читать и вообще соображать, он, конечно же, его разгадал. Но об этом потом.

Второе доказательство.

В школе-интернате №2, а точнее в классе Славика, а еще точнее – за его собственной партой вот уже одиннадцать лет училась девочка, которую тоже звали Слава. Это была самая красивая девочка с чудесным светлым лицом и с самыми длинными и русыми косичками на свете. В нее был влюблен весь класс и даже вся школа. И все-все в

мире знали, что ее обязательно удочерят и заберут из детского дома скоро-скоро и вот-вот самые замечательные родители, которые только могут существовать. И что это какая-то грандиозная ошибка, что до сих пор какие-нибудь короли или принцы неизвестных или известных земель еще не приехали за ней.

Но главным было другое: эта ангельская Слава любила Славика, поэтому они всегда сидели и ходили вместе. И все над ними подшучивали и называли «жених с невестою», на что ребята не обижались. Только грустно вздыхали, понимая, что придет день, и их разлучат. И когда этот ужасный миг все-таки настал, за девочкой и в самом деле пришли самые красивые и добрые родители на свете, Славик был в отчаянии. Но ему в тот день пришло третье доказательство, что все будет хорошо. Но об этом потом.

На прощание Слава сказала, что никогда его не забудет, и, как только у нее появится возможность, она сразу же найдет его, и они опять будут вместе. «Ну, точно как мама», – в тот момент подумалось Славику. Мальчик почувствовал, что время разлуки временно, и Слава права: они обязательно найдутся во взрослой жизни. Осталось ждать каких-то там семь-десять лет.

Третье доказательство.

В ту первую ночь, когда Слава покинула детский дом, видимо, в утешение Славику приснился сон. Ему приснилась мама. Первый раз за все одиннадцать лет. Она была такая необыкновенная и прекрасная, теплая и большая, что он ощущал ее каждой клеточкой своего тела, но не видел лица. Она как бы плыла и была всем вокруг, а он был та-

кой маленький-маленький, беззащитный и счастливый… Мама говорила с ним, а вокруг играла музыка. Эту мелодию он запомнил на всю жизнь: грустная и одновременно теплая, нежная и ободряющая, успокаивающая и ласкающая. А также запомнил слова.

– Славик, мой мальчик, – говорила мама нежно, – ну где же ты потерялся, сыночек? Я никак не могу найти тебя. Вернись, мой малыш. Я так жду.

Славик пытался ей ответить, что он тут. Он здесь! Но мамочка не слышала его. Она все повторяла:

– Славик, приди, найди меня. Ты должен стать Повелителем Вселенной.

И теплый, большой свет от мамы стал таять, музыка тоже угасать. Но этого было достаточно. Мама не слышала Славика, но главное, что Славик услышал маму.

«Повелителем Вселенной» – вот так сказала мама на прощание, и это был третий и самый главный знак. Таких совпадений просто быть не могло! Ведь фамилия Славика, как вы поняли, была Вселенский.

А еще накануне этого сна на недавнем уроке труда, где учитель Александр Иванович рассказывал про разные профессии, чтобы учащиеся детдома могли определить свои планы на будущее и понять, кем они хотят стать после выпуска, Славику по перечисленным работам никак не удалось распознать свою стезю. Уж как только не нахваливал трудовик так нужные нашей богатой родине России в бум экономического и индустриального роста специальности: инженеры, конструкторы, бухгалтеры, маляры, продавцы, актеры и певцы. И как

только Славик не старался впихнуть себя в образ монтера, лифтера, директора банка, экономиста или пожарника. Никак не выходило! Морщился и про себя отбрехивался, хотя учился на одни пятерки и числился в отличниках, из которых, как водится, может выйти хоть слесарь, хоть режиссер, хоть танцор балета.

Славик мечтал о приключениях! Александр Иванович подсказал, может, в шпионы податься тогда, как Штирлиц. Там приключений хоть отбавляй.

«Теплее», – поначалу подумалось отличнику, вспомнился образ известного персонажа, кстати, которого в жизни тоже звали ВячеСЛАВом Тихоновым. Еще один плюсик!

Но потом в голове стали всплывать погони и перестрелки современных агентов спецслужб, в поклонниках которых хоть и ходил Славик, но вот так запросто обманывать, драться, иногда даже убивать, как это легко делали шпионы в голливудских и прочих блокбастерах, он бы не хотел. Вовсе это не приключения! Да и драться мальчику не нравилось, хотя и приходилось периодически. Но об этом потом.

Возвращаясь ко сну: Славику вдруг подумалось, что быть Повелителем Вселенной – вот это звучит грандиозно! Вот это цель!

Понимаете? Не каким-нибудь там президентом или королем, которые зависят там от всяких норм международного права или от курса валют и которым приходится в ножки друг дружке кланяться почем зря, а настоящим всемогущим Властителем целой Вселенной. Это звучало гордо и многообещающе. Славик сразу же понял, что это то, что надо. И

тут же дал себе обещание, когда станет Повелителем, сделает так, чтобы никогда-никогда родители не теряли своих детей, и все детские дома в его Вселенной пропадут, словно их и не было, и даже люди забудут, что это значило – жить без мамы и папы. А еще Славик дал себе сразу же второе обещание: в его Вселенной всегда будет играть музыка. И она будет такая же волшебная, как звучала тогда, когда приснилась мама. И у всех она будет играть по-разному и никому не надоест, и не будет скучно сидеть у окна, за которым идет дождь… когда чего-то ждешь…

Глава 2. План действий

С того момента, как Славик понял, что он особенный и потерявшиеся родители его ищут, а также что все эти совпадения – не просто так, мальчик решил составить план действий с множеством неизвестных и тайными ключами к их раскрытию.

И вот что произошло на следующий день…

Несмотря на бессонную ночь, после разговора с мамой и музыкой, мальчик пришел на урок истории бодрым, но слегка задумчивым. И когда молодая учительница Светлана Геннадьевна, развернув перед классом на доске огромные плакаты с темой урока «Предки человека», где красовались волосатые фигуры безобразных обезьян с длинными черными руками и выдвинутой вперед челюстью, торжественно произнесла «Это наши дальние родственники, ребята», Славика бросило в холод. Од-

нако учительница истории своим звонким голосом настаивала, что именно так выглядели наши прапрапрабабушки и прапрапрадедушки, от которых пошли наши прапрамамы и прапрапапы, которые совсем недавно по рамкам существования Вселенной слезли с пальмы и взяли копальную палку… У Славика выпал карандаш из рук.

Мальчик хотел было смолчать, но Светлана Геннадьевна продолжала, присовокупив последние данные ученых, что мозг обезьяны и мозг человека отличаются незначительно и весьма похожи по строению. Этого было предостаточно, чтобы нервы отличника и примерного ученика класса дали сбой. Он поднял руку для вопроса, как и подобает, но не стал дожидаться разрешения, встал и сказал:

– Извините, пожалуйста, Светлана Геннадьевна, но думаю, что ваши ученые сильно ошибаются. Я недавно смотрел передачу по телевизору про останки древних цивилизаций, таких, как исчезнувшая Атлантида, Гиперборея, что находится у нас в Сибири, а также про раскопки в Мачу-Пикчу в Перу и про пирамиды Хеопса в Египте… Про их высокие технологии и невероятные достижения в науке и медицине, по некоторым данным, они даже летали в Космос… Одним словом, я ни за какие коврижки не поверю, что после всего этого мы произошли от каких-то там обезьян.

Светлана Геннадьевна ошалело посмотрела на Славика, часто помаргивая своими пушистыми ресницами, и только через минуту смогла пролепетать:

– Но официальная наука… Э… Министерство образования…

– И честно говоря, – серьезно продолжил мальчик, – я не верю, что моя мама и мой папа, да и вы тоже, произошли от каких-то волосатых приматов.

Славик кашлянул и нарочито сдвинул брови, так как именно в этот момент Светлана Геннадьевна с указкой в руке точь-в-точь повторила позу самки гомо сапиенса с плаката, ошарашенное лицо с выдвинутой вперед челюстью и выкатившимися от удивления глазами делали их похожими, контрастировали лишь кипельно-белая блузка и идеально выглаженная синяя юбка. Это не укрылось от глаз учеников, и вскоре класс взревел от безудержного смеха и разразился аплодисментами.

Сказать, что Светлана Геннадьевна разозлилась на эту злую шутку, – не сказать ничего, но обиднее всего было услышать эту глупость от лучшего, самого образованного и начитанного ученика класса. Сгоряча она влепила Славику «кол» в дневник и выгнала из аудитории. А потом, еле-еле сдерживая слезы, попыталась продолжить урок про теорию Дарвина (чтоб ему неладно было) и про его человекообразных прямоходячих копателей.

***

Это происшествие встревожило многих, в особенности классного руководителя Славика, Веру Павловну, заслуженного педагога со стажем, которая на перемене утешала плачущую историчку, про себя размышляя, что же такого могло произойти с отличником?

– А какое у него было выражение лица, когда он вам это говорил? А когда все смеялись, он тоже хихикал? – словно заправский следователь допраши-

вала Вера Павловна коллегу, еще более хмурясь от получаемых ответов.

– Понятно, – закончила поглаживать по голове чуток успокоенную Светлану Геннадьевну опытный педагог, а про себя добавила: «Понятно, что ничего не понятно».

«Дела обстояли плохо», – заметила Вера Павловна. Ведь Вселенский тянул на золотую медаль. А что значит для воспитанника детдома? Что его возьмут в любой вуз страны без экзаменов. Это большая удача для брошенных деток! Общежитие, стипендия, перспективы! А этот «кол» портил всю картину и ставил крест на будущем хорошего мальчика. С «колом» надо было что-то делать…

Допросив для чистоты эксперимента всех учеников класса, то есть очевидцев происшествия, Вера Павловна решила углубиться в анналы интернета во внеурочное время, проверив каждую ниточку, записанную со слов учеников: и про Перу, и про Гиперборею с Атлантидой, и про Дарвина с гомо сапиенсами.

***

Под конец рабочего дня сидевшей за компьютером старой учительнице словно из рога изобилия вывалилось два миллиона триста пятьдесят восемь тысяч шестьсот тридцать девять документов по предложенному запросу, а также шесть сот тысяч картинок, с которых гордыми красивыми профилями смотрели симпатичные русалки и крылатые феи, а также удалые богатыри, утверждавшие в названиях, что являются истинными предками древних славян и вообще людей нашей планеты. Распечатав несколько страниц и отметив красной пастой нуж-

ное, Вера Павловна углубилась в поисковые системы за мнением самого Чарльза Дарвина. И вот тут ее ожидал настоящий сюрприз. Уважаемый естествоиспытатель и натуралист под конец своей долгой и интересной жизни стал утверждать обратное своим ранним воззрениям: обезьяны и люди НЕ имеют единого корня родства. А за XX век набралось такое количество доказательств этому, что, кроме внешнего сходства, да и то отдаленного, генетически люди больше приближены к другим видам животным, например, к свиньям или паукам, чем к приматам.

Учение же дарвинизма в высших учебных заведениях изучается лишь в спектре эволюции и истории науки о генах и прочих дисциплин.

Вера Павловна с ожесточением нажала на кнопку выключателя компьютера, красной пастой отметив в своем дневнике о необходимости незамедлительно послать протест в Министерство образования о том кошмаре, который творится в учебнике средних классов, в отличие от всего продвинутого современного мира, включающего Википедию (чтоб ей неладно было), что обезьяны – не предки человека. И из-за этой непростительной ошибки в учебниках или недосмотра со стороны руководства рушатся судьбы учителей и учеников.

***

Утром перед уроками, переговорив с глазу на глаз со Светланой Геннадьевной, Вера Павловна предоставила той неопровержимые факты об отсутствии ее родства с отрядом приматов и им подобным, а также выложила резюме своего расследования и умозаключения, что мальчик вовсе не хотел обидеть молодую

учительницу, а совсем наоборот, желал заступиться за ее человеческую честь и родословную.

На что Светлана Геннадьевна удивленно воскликнула:

– Тогда от кого же мы произошли?

Ответ на этот вопрос повис в воздухе, ибо пожилая мудрая учительница с присущим ей непоколебимым советским сознанием, отбросившим на периферию мозга кружащие в голове образы библейских героев, древлеправославных богатырей с русалками из Гипербореи, решила более не шокировать молодую коллегу невообразимыми артефактами, не подтвержденными гороно и Министерством образования. И ничего не ответила.

Однако не только головы классного руководителя и историчкибыли заняты этим важным для науки и истории человечества вопросом. Славик нашел ответ на этот вопрос в толстой многотомной энциклопедии местной интернатовской библиотеки, всего лишь посвятив два часа, отведенных на дневной сон и прогулку.

Изучив все возможные религии и верования народов мира от китайцев до инков, Славик аккуратно записал всех возможных прародителей Вселенной в ровный столбик. Итак, в нем значились: китайцы с индусами, предпочитавшие верить, что произошли от Большого Дракона, что спустился с небес; евреи и религиозные верования этого направления, бравшие свои истоки от райских жителей Евы и Адама; африканцы, поклонявшиеся духам природы разных вариаций; египтяне, в разные эпохи верившие в перевоплощения в животные и птичьи лики могущественных созданий, что тоже прибыли из космоса; атеисты всех континентов, утверждавшие, что их корни от Большого взрыва и Черной дыры; и вот

ближе к европейским землям кельты, норвежцы, греки, англичане, русские, а проще говоря – протославяне (уж больно верования походили одни на другие и даже почти не менялись имена и символы) веровавшие, что в их прародителях ходили могущественные люди, рожденные на Земле, но достигшие божественного уровня, проще говоря – Бессмертные Боги. Последнее Славик подчеркнул двумя линиями, оставив все предыдущие поиски как малоинтересные. Но когда мальчик перевернул страницу и только прочел первые несколько имен этих великих родоначальников, у него на лбу выступила испарина.

Предков было много, оно и понятно, семья должна быть большая, чтобы Вселенную заселить. И в первых и главных строках стояли четыре Мировые Богини: Явь, Навь, Правь и СЛАВЬ.

Вот это да!

По этому поводу приводился отрывок из великого произведения древности «Слово о полку Игореве», где объяснялось, что славяне (а именно к ним Славик относил себя, и у него, как вы видите, имелись все основания) знали, что приходятся внуками Даждьбогу, правнуками Велесу и Перуну и Мировым Богиням. «Так мы стали дедами русов и с пением идем во Сваргу Сварожью голубую…»

Славик рассек воздух знаком победы: «Йес!» Вот какие родственники числились у Славика, а не какие-то там мохнатые обезьяны с палками.

И от восторга и возбуждения мальчик совсем не заметил, как с двух сторон его взяли в оцепление сосредоточенные историчка Светлана Геннадьевна и класрук Вера Павловна, хмуро наблюдавшие за ликовавшим Славиком, с лица которого быстро слетела эта победоносная улыбка.

– Слава, я пришла попросить у тебя прощения за несдержанность и необъективный подход. Конечно, до сих пор ведутся горячие споры о происхождении человечества как интеллектуального вида, но одно можно сказать точно, ты был прав: ни твоя мама, кем бы она не работала, ни я, ни тем более Вера Павловна, – Светлана Геннадьевна уважительно кивнула на мудрую коллегу, – не можем причислять себя к потомкам волосатых приматов Дарвина.

– Мы уже послали факсом жалобу в столицу, чтобы разработчики учебников исправили такую грубейшую неточность, которая могла бы нанести непоправимый вред многим людям, – поддержала разговор Вера Павловна. – Держи свой дневник. Ты большой умница, эрудированный и дисциплинированный ученик. Если будешь так держать, много читать и глубоко изучать тему, тебя ждет большое будущее, Славик.

– Еще раз прими извинения. Произошло недоразумение. Твоей вины в том нет.

И вручив дневник, обе учительницы, синхронно развернувшись на каблуках, торжественно вышли из библиотеки, оставив Славика в полнейшем изумлении.

Глава 3. Сварожьи внуки

У Славика закружилась голова, перехватило дыхание и защекотало подмышками от догадки, которая вдруг посетила его светлую голову.

Он посмотрел на время, пора было идти ужинать. Да только какой там ужин, когда тут такие дела разворачиваются?!

Судорожно соображая и не теряя драгоценных минут, Славик побежал в самый большой раздел библиотеки, где хранились сказки… Долго-долго там что-то искал и в итоге вышел оттуда с огромной книгой раритетного издания «Былины великорусского народа».

Терпеливо перелистывая страницы, что-то нашептывал себе под нос, пока наконец отчаянно не подпрыгнул на месте, найдя искомое.

А искал он не что иное, как упоминание о каком-нибудь известном ему боге в славянской мифологии. Первым, кто попался, стал известный богатырь Святогор. Ведь БОГатырь – это тоже своего рода бог, не Славь, конечно, но для сравнения и понимания вопроса тоже подойдет. Замечательнее всего было то, что имелись картинки, нарисованные в красивом былинном стиле. Ах, загляденье! Где воочию высился исполинский рост великорусича.

Былина «Илья Муромец и Святогор»:

«…Едет русский могучий Святогор-богатырь;
Святогоров конь да будто лютый зверь,
У богатыря плечи да во косу сажень,
Он и едет во поле, потешается…»

Для прояснения техники и методики вычисления Славик быстро заглянул в энциклопедию и записал для себя средние меры длины того времени, необходимые для установления роста Богатыря Святогора.

Пядь = 17,78 см.

Сажень = 12 пядей = 213,36 см.

Косая сажень = 17 пядей = 302,26 см.

Теперь легко было подсчитать: «Нам сообщают меры длины, что косая сажень равна 302,26 см, это средний размер», – шептал мальчик, вычерчивая линейкой человечка по клеточкам для пущей наглядности.

«У богатыря плечи да во косу сажень…» Получаем, что пядь Святогора равна 100,75333 см (302,26см / 3 пяди). Округлим до 100,75 см. Рост каждого обычного человека равен десяти индивидуальным пядям. Получается, что рост великорусича: 100,75 см х 10 пядей = 1007,5 см, или 10 метров 7,5 см».

«СВЯТОГОР – принадлежал к расе людей ИСПОЛИНОВ», – закончил читать мальчик и с удовлетворением захлопнул внушительное издание сказок.

Вот те на! Это все объясняло, понимаете теперь?

Вот почему мамочка не видит и не слышит Славика!

Ведь если Святогор такой огромный, а он всего лишь богатырь, тогда что и говорить о Великой Мировой Богине Слави, мамочки Славика?! Должно быть, она невероятно большая… Возможно, даже она высится в космосе.

Теперь понятно, почему во сне он не мог разглядеть ее лица и она предстала перед ним такой большой и теплой, словно огромное, сладкое, нежное облако, душисто пахнущее счастьем.

Славик откинулся на стуле, размышляя.

Представьте себе, вы идете по лесу и ищете грибы, ну, или просто так гуляете по лесу, смотрите в небо и ворон там считаете. В этот момент вы, естественно, не обращаете внимания на всяких муравьишек и букашек, что шуршат у вас под ногами. Жалко, конечно, на них наступать, но не будешь же спасать каж-

дого, перепрыгивая с горки на горку, где, кстати, они тоже могут приютиться. А вот другое дело, если одна козявка раз и заговорила с вами по-человечески. Любой бы встал на месте как вкопанный и постарался разглядеть, кто это с ним разговаривает.

Так и мамочка! Мировая Богиня. Какая она может быть? Необъятная…

Славик резко вскочил со стула, тот аж с грохотом упал на пол от такого порыва, и побежал на улицу. Детский интернат №2 находился на самой высокой и живописной горе полуострова Крым, окруженный великим и прекрасным Черным морем, в древности называемым просто Русским морем (историю родного края знал каждый детдомовец «от зубов»), уходящим в пылающий бескрайний горизонт. Потрясающий вид из окон давно прельщал различные структуры перенести заведение в более скромное место, а здесь построить пятизвездочный отель класса люкс. Но в последний момент совесть у чиновников просыпалась и побеждала меркантильные позывы, и детдомовцы продолжали просыпаться и засыпать под удивительные, неземной красоты рассветы и закаты вот уже двадцать пять лет.

Славик выскочил на поляну, заканчивающуюся обрывом, откуда открывался самый волнующий вид, где справа и слева высились вечнозеленые пушистые шапки извилистых сосен, покрывающие каменистые горы, а огромная бухта, куда бегали купаться воспитанники детдома все лето, уходила в никуда, соприкасаясь с ярким светилом.

Солнце близилось к горизонту, излучая последние волшебные радужные волны в разные стороны: фиолетовые, алые, зеленые, оранжевые, осле-

пительно-белые… Тот, кто раз видел это зрелище, признавался, что чувствовал нечто мистическое, сердце трепетало и наполнялось каким-то новым чувством. На чудесное можно было смотреть вечно…

Славик тяжело вздохнул и сдержался от того, чтобы не расплакаться… Ведь кто знал, что видят его собственные глаза сейчас… Может быть, это вовсе не закат, а глаза его мамы, которые каждый день своего сыночка шарят по всему свету, и не видят…

Может быть, все эти горы – вовсе не горы, а ее руки, которыми она трогает Землю в поисках Славика.

И это море – тоже не море, а ее слезы по утраченному чаду.

Славик обязательно должен узнать, как ей рассказать, где он. А еще лучше добраться до нее. Он был уверен, это по силам ему. Если в этом мире возможно такое чудо, как этот прекрасный закат, значит, в нем возможно ВСЕ!

Глава 4. Косая сажень

Славик чуть-чуть дал слабину и, поддавшись минутному отчаянию, таки пустил горькую слезу. Вы должны его простить за это, дорогой читатель, ведь надо понять мальчика в этот момент. Во-первых, отъезд Славы, его самого главного и дорогого друга на всем белом свете, был тяжелым ударом. Никто так не понимал его, как она. Порой они даже сами удив-

лялись, что, не сказав друг друга ни слова, знают, что каждый думает сейчас. Это одиночество отзывалось порывами холодного ветра в его ранимом сердце.

Во-вторых, все эти поиски родителей, конечно же, могли явиться простой мальчишечьей выдумкой, разыгравшейся фантазией брошенного ребенка. И его мама, как говорили злые языки в интернате, вполне могла оказаться рядовой безответственной женщиной, оставившей на произвол судьбы своего нелюбимого сыночка. Об этом было страшнее всего думать. И в-третьих, этот закат, который делал сердце мягким и сентиментальным, на миг пошатнул Славикину нерушимую волю дотянуться до своей мечты.

В таком настроении он вернулся в стены интерната и пошел в столовую, где часть воспитанников уже поужинала и отправилась в общий кинозал смотреть познавательные передачи про Гиперборею и Атлантиду, волшебные свойства воды и про мир диких животных.

Славик взял тарелку с предложенным ужином и стал искать свободное место. За одним столом, где уже кто-то покушал, стоял один-единственный стул, точнее какая-то табуретка. Славик решил сесть там, желая избежать нежелательного соседства, так как настроения болтать у него не было. Не успев притронуться к еде, мальчик услышал сзади шаги и почувствовал недоброжелательный толчок в плечо. Повернувшись, увидел Бориса, шестнадцатилетнего бугая из предпоследнего курса. У них и раньше случались стычки, точнее это Борис не мог пройти равнодушным мимо Славика и всегда отпускал какие-то неприятные словечки или цыканье в его адрес, всегда получая в ответ Славикины гроз-

ные взгляды. Но до прямого столкновения никогда не доходило.

– Вообще-то, я тут сидел, – недружелюбным басом прогундосил парень.

– Тогда где твоя тарелка? – спросил Славик.

– А это не твое дело, – парировал бугай, угрожающе приближаясь.

Вообще-то, Славику ничего не стоило пересесть, но тут было вот какое дело: во-первых, при виде этой табуретки мальчику пришло в голову, что она идеально подходит для просчета его сажени и пядей. Но об этом потом.

Во-вторых, этот бугай давно нарывался на неприятности, и если сейчас смолчать или уступить, мальчишечьи законы джунглей позволят этому грубияну и дальше вести себя бесцеремонно и нагло с другими ребятами. Что нельзя было прощать, кто-то должен был восстановить справедливость.

И в-третьих, у Славика было очень плохое настроение, и небольшая разрядка ему сейчас не помешала бы.

Будущий Повелитель Вселенной встал со стула и быстро сделал шаг в сторону, в этот момент табуретка с грохотом повалилась в сторону, так как Борис толкнул ее ногой, рассчитывая сбить парнишку на пол. И хотя это не удалось, все равно громко рассмеялся своей неудавшейся шутке. Этим инцидент и закончился бы, вся компания во главе старшеклассником Борисом уже намеревалась ретироваться в кинозал, но тут Славик сказал:

– Раз поел, убери за собой.

Борис ошалело воротнул головой в сторону раздражителя его спокойствия и наткнулся на спокойный взгляд плюгавого отличника.

– Ты это сейчас со мною разговаривал? – не веря собственным ушам, сказал он.

Славик ухмыльнулся, глупый все-таки разговор получался: «Ты мне сказал? Да кто ты такой! Да не твое дело!», прям как в голливудских дурацких фильмах про всяких там ковбоев.

– Ну, тебе… – не останавливался тем не менее пацан, зная, что все эти бугаи только до поры до времени смелые.

Как вдруг из ниоткуда прямо посередине начинающегося тайфуна возникла фигура трудовика Александра Ивановича, который будто только и ждал этого момента, чтобы схватить ребят за руки и, пока те не очухались, отвести их в свой набитый молотками и стамесками кабинет, не забыв зачем-то прихватить и табуретку.

Александр Иванович, в прошлом сам детдомовский ребенок, на инстинктивном уровне чувствовал очаги зарождения пожара, и давно следил за Надеждиным Борисом, который вошел в пору, где все вокруг вызывает сильнейший интерес и хочется все видимое проверить на зуб и мускул. Поэтому, издалека завидев нехороший румянец на подопечном, успел распознать назревающий скандал. К Славику вопросов у трудовика не было, кроме одного момента, Александр Иванович не понимал мальчишку, точнее не мог его раскусить. «Экзотический фрукт. Слишком большая фантазия. Слишком много мозгов и мыслей. Одним словом, самородок. Простыми руками такого не возьмешь». Но Вселенский учился на одни пятерки и вообще слыл примерным и образованным, поэтому не представлял угрозы для всеобщего спокойствия. А тут такое!

– Ребята, – дружелюбно начал Александр Иванович, прекрасно зная свою работу и хорошо представляя план действий. За тридцать пять лет стажа было проведено немало таких разговоров. – Мужики есть мужики, пусть даже, если они еще мальчишки, – рассадил он их по разные стороны от себя, а сам, как арбитр уселся посередине. Злополучный табурет поставили рядом. – Давайте так: у каждого есть своя гордость и свое пространство, это понятно. Теперь разделим наш интернат на зоны влияния. И всем будет хорошо. Ты, Славик, как меньший, думаю, готов уступить и не заходить туда, где Борису неприятно тебя видеть. Ну а ты, Борис, – понизил голос трудовик, – давай тоже утихомирься и на младших просто так не наезжай. Мы все-таки не маменькины сыночки и выросли не в райских кущах, а живем в большой и сложной семье общежития, где надо понимать, есть законы и правила. Ибо в исправительных учреждениях для малолетних с вами так разговаривать не станут. А начнется серьезная взрослая жизнь, и тогда запоешь совсем… – не закончил свою речь трудовик, так как Вселенский поднялся и сказал:

– Давайте лучше я объясню, Александр Иванович.

Борис и трудовик слегка обалдели от такого поворота и, напрягшись, стали вслушиваться, что хотел донести до них наглый мальчишка.

– Просто Борис думал, что я не всерьез воспринимаю его словечки и издевки, и ошибался. Я понимал, что наши силы не равны, и скорее всего из схватки вышел бы без зуба, с большими синяками, может быть, даже с переломами. Но от этого я не сломался бы и не отступил, а только сильнее разо-

злился. И вот тогда, когда Борис меньше всего ожидал бы удара от меня, например ночью, выкрал бы у бабы Любы крысиный яд, что она против мышей использует в кладовках, а тот, как известно, обладает обезболивающим эффектом. Я документальный фильм про Великую Отечественную войну смотрел, там рассказывали, как солдаты Советской Армии против фашистов воевали и не хватало медикаментов в госпиталях, и использовали все, что под рукой было… Так вот. Однажды ночью я бы обязательно застал Борю врасплох, насыпал бы ему крысиного яда в уши и отрезал их. Представьте себе: наступает утро, все идут завтракать, а Боря не слышит. Просыпается, а его уши рядом красивенько лежат…

Трудовик сглотнул неприятно-похолодевшую во рту слюну, про себя с отчаянием отметив, что со Славиком глаз его наметанный дал маху – непростой был мальчишка этот Вселенский. «Взять под особый контроль», – красной пастой нарисовалась фраза в сознании Александра Ивановича. «Яд ликвидировать», – последовал следующий приказ.

На Борю же было страшно смотреть. Несмотря на возраст, рост и вес, в душе старшеклассник тоже был весьма впечатлителен и мечтателен, как Славик. А может, все детдомовские являлись такими… И поэтому картина с отрезанными ушами, аккуратно уложенными на его подушке, увиделась им так ярко, что табун мурашек пробежался по спине, оставляя мокрые соленые следы…

– Я понимаю, это происшествие полностью перечеркнуло бы мою золотую медаль и планы на университет. Но что взять с одиннадцатилетнего пацана, в прошлом отличника? – задумчиво поднял вверх свои

глаза Славик, уставившись в некрасивый неровный потолок мастерской трудовика. – Ну, дурка, всякие там экспертизы и специнтернат. Потом, может быть, за хорошее поведение отпустили б. А вот тебя, Боря, ожидал бы дом инвалидов и вязания носков до конца жизни, – и Славик очень серьезно взглянул в глаза оппоненту.

По коже Бориса не то, что мурашки, стада носорогов пробежали от этого взгляда, который полыхнул то фиолетовым, то алым, зеленым, оранжевым, переходившим в ослепительно-белый… Стальной взгляд! Или показалось?

– Так вот я и подумал… – продолжил Славик, потому что другие все еще молчали, приходя в себя от сказанного им. – Зачем я вцепился в эту табуретку? Чуть жизнь человеку не испортил ради какого-то дурацкого стула.

Легко взял табурет и протянул старшекласснику. Бориса замутило, а перед глазами поплыло. Вся эта ситуация ввела его в какое-то оцепенение. И вот почему…

Дело в том, что у Бориса было одно свойство, которым он очень дорожил. Боря чувствовал правду. Не просто чувствовал, а осязал и ощущал. Он не мог ее прощупать и описать словами, к сожалению, не родился поэтом, но когда видел, точно знал – вот это правда! И поэтому в последнее время ходил сам не свой, не было у него настроения, что ли. Может поэтому и прикапывался ко всем подряд.

Куда ни посмотрит – все неправда: этот интернат, он сам, все эти люди вокруг, уроки и тетради, туманные перспективы детдомовского подкидыша, непонятное будущее… Все неправда! Это не могло быть его жизнью! Он точно знал, что должен и может сделать нечто большое, а ему грозило ПТУ

и работа монтером, или сантехником, или вот трудовиком, как Александр Иванович. И это неправда!

А пацан этот был настоящим! И говорил правду! Он ее в глазах у него прочел. И поверил. Сразу же.

Чуток придя в себя, Борис взял-таки табурет, а потом кинул уходящему из мастерской Славику:

– Эй, Вселенский, погоди. Прости. Повздорили по глупости. Я что-то бешеный в последнее время хожу, – Борис вручил назад табурет мальчишке. – Возьми стульчик. Не нужен он мне. А тебе он зачем? – спросил бугай с интересом.

В этот момент Славика тоже посетила правда. Он взглянул в глаза недавнему врагу и увидел в них искренний интерес, и, хотя они с Борей никогда не были приятелями, вдруг признался, будто камень с плеч скинул:

– Для чего, сказать не могу – это секрет. Но мне размеры сажени надо снять, а табурет ровный, с перекладиной для ног, прям отлично подходит для моего дела. Поможешь?

Славик говорил правду, понял Борис, а еще от слова «секрет» по коже старшеклассника уже в обратном направлении побежали сначала стада носорогов, а за ним соленые мелкие мурашки, оставляя после себя сухие, приятно покалывающие следы.

Глава 5. Летучий корабль

Борис не подвел и, вместо того, чтобы пойти со всеми ребятами смотреть развивающие програм-

мы или голливудские стрелялки по телеку, побрел со Славиком в трудовую, где каждый из мальчиков готовился к проекту, который должен был разработать и реализовать самостоятельно. У всякого имелся свой рабочий стол и рабочая поверхность, а также минимальные наборы инструментов и материалов. На проекты давали три месяца и уже на следующей неделе в понедельник они должны были торжественно представляться широкой детдомовской публике во главе с директором и областной комиссией в самом актовом зале.

Борису никогда не нравилось что-то мастерить руками, не то чтобы он не мог, скажем, скворечник соорудить, – мог, да еще какой. Но только в рамках обязательной учебной программы. Так просто его клещами было не затянуть в этот пыльный, пахнущий сырым деревом, дальний сарай у школы, который высокопарно назывался «Экспериментаторской».

И когда он вошел в сарай, Славик тут же включил свет и принялся доставать какие-то инструменты, Бориса удивило, что все столы в помещении были чисто убраны или заставлены уже готовыми изделиями, накрытыми простынями и клеенками, кроме Славикиного. Его стол был завален книгами с рисунками, сказками, энциклопедиями, чертежами, линейками и скомканными листами исписанной бумаги. Но ни одного предмета, намекающего на то, в чем будет состоять идея эксперимента, не намечалось. А ведь окончание проекта висело, что называется, «на носу».

Славик достал портновский метр, протянул его Борису, потом торжественно поставил табурет в центре, прилежно сел на него, ровно вытягивая спину и ставя ноги на перекладину, и показал:

– Сажень – это от копчика до макушки.

Борис взял в руки метр и легко исчислил запрашиваемую меру. После этого Славик споро слез с табуретки, поспешил записать на краю бумажки свою сажень, от души поблагодарил товарища за оказанную услугу и с нетерпением уселся за свой стол, опять вкопавшись в энциклопедии и тяжелые тома красочных сказок, что-то усердно рассматривая и зарисовывая в свой дневничок. Борис понял, что аудиенция закончилась, но не спешил уходить. Внутри него росло неимоверное любопытство, которое он еле-еле мог сдержать. И хотя гордость старшеклассника и в прошлом хулигана умоляла его бежать, мальчишечья пытливость, аромат каких-то приключений, висевших в пыльном воздухе, нещадно подщекочивали Борино чутье и интерес.

– Может, тебе еще чем помочь? Смотрю, ты не сильно продвинулся в проекте! Или ты пантомимой будешь показывать, чего хочешь смастерить? – важно спрашивал старший, кивая головой на готовые столы одноклассников Славика.

Мальчик поднял голову от книг, осматривая помещение, выискивая, на что Борис подмигиванием пытался обратить его внимание, потом еще раз взглянул на старшеклассника, прикинул что-то в голове и сказал:

– Да, ты можешь мне помочь, если хочешь.

От этих слов, от которых раньше бы Борис взвыл от бешенства, что какой-то плюгавый парнишка ему что-то разрешает или не разрешает, сейчас так обрадовался, что подскочив, воскликнул:

– Правда?! Тогда, может, завтра и начнем? А то ж понедельник-то не за горами!

– Давай, – просто кивнул Славик. Мальчик еще не знал, чем именно пригодится ему Борис, но чувствовал, что работы будет невпроворот, особенно если учесть законченные, накрытые тканью проекты одноклассников.

Наконец, когда довольный Борис ушел, Славик вновь окунулся в поиски неизвестного.

«Иди туда, не зная куда, найди то, не зная что», – гласил мудрый, но непонятный рецепт подвигов для всей богатырей.

Итак, родители Славика, в чем он нисколько не сомневался, не кто иные, как древние боги, возвысившиеся, судя по греческим данным, до Олимпа. Где может находиться Олимп? Ясное дело, в космосе и во Вселенной.

Задача проста и ясна: нужно во что бы то ни стало попасть в космос. Адрес – к маме и папе. План действий – изучить с пристрастием, как летали древние славяне. Ведь кто-то из них обязательно долетал до Слави, Прави, Яви и Нави. Маминых сестер… Кстати, если Славик – славянин, то, значит, у него обязательно должны быть двоюродные братья и сестры: правяне, явяне, навяне… Голова шла кругом от таких потрясающих и далеко идущих размышлений: настоящие братья и сестры, тети и дяди, бабушки и дедушки…Но сейчас нельзя был отвлекаться от главного.

Итак, потратив весь вечер на сказки и былины, Славик удовлетворительно выдохнул, потирая уставшие сонные глаза: «Определенно древние люди летали! В том числе в космос».

В столбик в дневничке были записаны основные средства передвижения: ковер-самолет, летучие корабли, ступа, метла, в качестве живых сил

использовались различные животные – говорящие волки, свиньи, змеи-горынычи, коньки-горбунки, киты и прочие. Славик не стал заострять внимание на последнем виде транспорта, потому как, кроме Бориса, у него не имелось говорящих помощников.

А вот дальше Славика ждал очень странный сюрприз: почти во всех сказках герои, плохие или хорошие, ложились в гроб, который делал из них волшебных существ. Иногда гробы летали, висели в воздухе, были хрустальными или закованными в яйце и тому подобное. Причем, судя по сказкам других народов, история повторялась, гроб играл большую роль в приобретении волшебных возможностей всякими феями и злыми колдуньями. И Василиса Прекрасная, Белоснежка, Баба-Яга, Кощеи и вампиры с вурдалаками имели свои гробы. Это была не случайность!

А произнеся слово «гроб» наоборот, Славик улыбнулся и прочел справку из учебника словесности:

«Р, р (название: эр) – буква всех славянских кириллических алфавитов; используется также в письменностях некоторых неславянских народов. В старо- и церковнославянской азбуках носит название “рцы”, что означает “говори, скажи”».

«То есть “Говорит БОГ”», – подытожил довольный исследователь.

Улыбка на его лице стала шире, когда он вдруг заметил, что слово «кладбище» созвучно со словом «клад». Но когда заглянул в энциклопедию затем, чтобы узнать, как именно хоронили древних славян в допотопные времена, так и вовсе расхохотался от невероятности своих удачных находок.

Оказывается, еще совсем недавно, особенно по меркам Вселенной, как точно заметила Светлана

Геннадьевна, древние люди хоронили своих сородичей в дольменах. О гробах стали упоминать в летописях намного позже. До сих пор в Сибири старожилы и староверы хоронили своих по старинке, в дольменах. У Славика не было времени больше дознаваться о причинах изменений в традициях славян и других народов, ведь дольмены, как говорила энциклопедия, находили по всей планете, от Австралии до Америки, он решил оставить эту интереснейшую тему для детального изучения на потом.

Становилось понятным, что еще один «икс» в многоходовом плане по поиску неизвестных Славика найден – это деревянный летучий борт, он же гроб, который внутри клад. Этот корабль должен был донести Славика до мамы.

Часы пробили одиннадцать вечера, и мальчик услышал, как всех засмотревшихся на голубой экран и заигравшихся в разные игры звали спать. Отбой.

***

После происшествия с гомо сапиенсами Славика сильно не тормошили на уроках: во-первых, боялись побеспокоить и так растревоженную детскую психику столь ранимого и благородного ребенка, во-вторых, Славик был отличник, все это знали и помнили, поэтому уделяли внимание троечникам и двоечниками, то и дело вызывая их к доске. С домашними заданиями отличник справлялся тут же, на переменках, и у него оставалось много времени для размышлений, прям как у Штирлица.

В обеденный перерыв его нашел Боря, с надеждой в глазах ожидая, когда же Славик даст коман-

ду начинать проект. Щуплый по сравнению с бугаем подросток, отведя старшеклассника в сторону, строго сказал ему:

– Только знаешь чего, Борь, чур, одно условие! Ты помогаешь, но не спрашиваешь, что мы будем делать, и держишь язык за зубами. Когда все будет готово, обещаю, я тебе расскажу.

Борис почти обиделся на эту фразу, но легко закивал головой, в душе довольно смиряясь с положительным ответом. А держать язык за зубами или выдернуть чужие зубы тем, кто не умел держать их на месте, Боря умел лучше всех на свете.

***

Начали сразу же после обеда.

– Ты умеешь делать скворечники? – неожиданно спросил Славик, от чего Боря чуть не впал в отчаяние, предположив, что придется мастерить глупый птичий домик.

– В общем, задача не из легких, Борь. Надо будет сделать как бы скворечник, но для меня. Моих размеров, понимаешь? – серьезно вглядываясь в непонимающие зеленые глаза старшеклассника, проговорил шефским тоном Славик.

Боря хотел задать миллион вопросов, но потом, вспомнив о данном обещании не спрашивать лишнего, прикусил язык.

– И скворечник нужен не простой, – глаза Славика заблестели, он все боялся, что Борис догадается, что тот собирается улететь на нем в космос. – Дело в том, что он должен быть построен по старинным технологиям, где еще не знали о метрах и сантиметрах, а все исчисля-

лось личными размерами, волшебными числами и углами бо… – Славик закашлялся, понимая, что чуть не проговорился. – И соответствующими углами.

Отличник коротко объяснил компаньону прочитанное накануне про сажени, пяди, вершки… Борис бодро взялся за пилу и молоток. Славик решил свалить на громадину-помощника все черновые работы, раз тот так желал услужить, а сам ходить в архитекторах и прорабах. Александр Иванович остался бы доволен пользой своей лекции о профессиях для настоящих мужчин! Собственно, трудовик и был доволен, по-шпионски наведываясь в «Экспериментаторскую» и видя, как сдружились мальчики. Конструкция же будущего проекта Вселенского не сильно привлекла внимание учителя. Однако он не спускал глаз с этих двоих, особенно после планов «отрезать уши и посыпать их ядом».

Углы волшебных мировых богинь быстро нашлись в интернете у всяких археологов и историков, занимающихся древлеправославием, однако в проекции «скворечника», строящегося по мерам Славика, был положен один-единственный угол – Мировой Богини Слави. Это была цель на деревянном космическом навигаторе корабля, на котором мальчик планировал полететь к родителям.

Пока Боря старательно в течение всех выходных вырезал, мерил, снова вырезал, полировал, скреплял, прибивал и молчал, архитектор и прораб, он же будущий Повелитель Вселенной Славик варился в интеллектуальной работе, изучая теорию.

Ну, положим, второй и третий «иксы» найдены: космический корабль готовится, пункт назначения с адресом известен. Теперь как взлететь? Не ляжешь же просто так в гроб, то есть в скворечник, то есть в космическое судно, руки на груди крестом сложишь и в путь? Нет, нужен пульт управления, какие-то кнопочки, рычаги, педали.

Славик сбегал к компьютеру и, детально рассмотрев космические ракеты и корабли на мониторе, записал в дневник основные их части строения. Сравнив со свежесрубленным творением, лежащим на полу пока полуразобранным, и не найдя ничего общего между ними, расстроился.

Борис заметил плохое настроение напарника, который с хмурым видом ложился в «скворечник» для примерки, складывал на груди руки, как в гробу, и самозабвенно закрывал глаза, чем всякий раз вызывал безудержный смех Бори, который не мог сдержаться, чтобы не умилиться той забаве, что затеяли они с этим одиннадцатилетним шпингалетом. Но потом вспоминал, что кроме этой развлекаловки, занявшей все его свободное время и мысли, вот уже несколько дней ничего больше интересного и захватывающего в ближайшем будущем не предвидеться, кроме просмотра тупых фильмов про качков, тут же с серьезным видом принимался на работу, чем вызывал одобрение на лице своего коллеги. К слову сказать, Борю распирало от любопытства и куража, как только он представлял себе лица трудовика, директора да и всех учащихся, когда Славик будет представлять им «это». «Интересно, за что он собирается выдавать этот гроб по размеру? Ну, не за летучий же корабль?»

Голова же Славика томилась другими идеями. Он чувствовал, что все тайное на поверхности, как те ключи, спрятанные на самом видном месте, которые ты замыленным взглядом никак не увидишь.

Он еще раз полез в сказки и мифы древности. В десятый раз прочел «Слово о полку Игореве», «Плач Ярославны», «Сказ про Илью Муромца» и прочих, как теперь стало понятно, родственников Славика, пока не обратил внимание на одну связывающую деталь – одежду древних людей. Все они носили очень красивые разноцветные вышиванки, рубахи, сарафаны и прочие кокошники. Все. Всмотревшись в названия деталей одежды и орнаменты, Славик понял: кнопки, рычаги, провода, двигатели, мониторы и прочие коды, были у него прямо перед глазами все это время. И когда у некоторых древних заметил знаки Слави на воротниках, то и вовсе вскрикнул от радости. Этого просто не может быть! Он на правильном пути!

Пока искал приборы с кнопками, обратил внимание, что многие сказочные и мифичные персонажи при сотворении магии использовали волшебные слова и звуки. Отметил себе, что на всякий случай перед взлетом нужно будет их произнести. Все-таки ни одно превращение не происходило без «чуфало-пуфало», «абракадабра», «чуфырь-пуфырь» и прочих.

Славик на всякий случай сверился с мнением тех самых эзотериков, что подсказали ему идею насчет «скворечника», и вот какая штука получалась.

Слово «АБРАКАДАБРА» считалось очень древним и означало заклинание против болезней.

Надо было просто написать это слово несколько раз, отнимая по одной букве. Считалось, что таким образом изгоняются болезни и все проблемы.

«Абракадабра
бракадабра
ракадабра
акадабра
кадабра
адабра
дабра
абра
бра
ра
а».

А Славик всю жизнь считал его белибердой. Какая сказочная неувязочка!

Пока мальчик размышлял сам с собой, произнося вслух волшебное заклинание, в компьютерную заглянул Боря, лукаво ухмыляясь:

– Слав, пойди глянь.

– Неужели готово?!

Ребята побежали в «Экспериментаторский» сарай и, лишь войдя и завидев желанное, Славик воскликнул от счастья:

– Какой красивый корабль!

Борис так и не смог сдержаться и расхохотался от души, хватаясь за живот. Он так и знал, что пацан хочет удивить интернатовское руководство летающим гробом. Боря хотел видеть это зрелище своими глазами и готов был на плечах нести деревянный корабль вместе со Славиком внутри до актового зала, где в понедельник должны были состояться смотрины.

Глава 6. Космос

Борис не спал ночь накануне дня проектов в актовом зале, внутри него все щекотало и перехихикивалось: то представало перед глазами лицо Славика, торжественно и серьезно укладывающегося в гроб, то всплывали бледные шокированные лица трудовика и старожилы Веры Павловны, то обморочное состояние всей комиссии. Боря не мог вспомнить на своем веку более интригующего и забавного момента, чем тот, что предстояло вскоре увидеть. Да и ребята, такие как Славик, ему тоже еще не встречались.

И что тот собирался делать со скворечником? Как Боря ни крутил, не мог понять, зачем смастерил эту деревяшку для мальчишки. Но чувствовал, что и его ждал сюрприз от этого шпингалета.

Александр Иванович не спал, сваливая бессонницу на почтенный возраст и на волнение перед предстоящим понедельником. Он переживал за учеников, за статус детдома, который поддерживал всеми силами, как передовой и новаторский, и было еще что-то, какое-то томление, труднопередаваемое логическим мышлением трудовика, воспринимавшим только факты и их последствия. Он перебирал в голове увиденное и услышанное за последнее время и никак не мог зацепиться ни за одну ниточку.

Вера Павловна спала хорошо, как боевая лошадь, знающая, что впереди пахота или бой и надо иметь силы на то и на другое.

Директор и комиссия всем составом тоже не спали. Как люди ответственные и при должностях,

они даже ночью числили себя на посту, потому сон был отложен до летних каникул или до пенсии. Или уже до безвременных лет.

Славик ждал волшебных слов «Отбой. Всем спать». А потом еще выжидал полчаса, после чего тихо пробрался в «Экспериментаторскую», достал разноцветные фломастеры и на белой рубашке, что предназначалась исключительно для торжественного случая, например, такого, что планировался на завтра, нарисовал красным большие волшебные знаки Мировой Богини Слави, помня рисунки на память. Потом достал ножницы, вырезал новые углы воротничка, также принадлежащие его матери. Так делали в старину, изготавливая углы того всемогущего предка-покровителя, чьей помощи и благословения просили. А современным языком говоря, с кем хотели созвониться и быть услышанным на одной волне.

Если б сейчас кто-то зашел в сарай и увидел, что творил мальчик с торжественной белой рубашкой, его могла бы схватить кондрашка. Это считалось самым страшным преступлением в интернате – порча имущества! Тем более такой красивой мальчиковой белоснежной рубашки, входящей в комплект бежевого костюмчика из добротной ткани, что дарило государство всем своим потерянным детям.

Переодевшись в идеально отглаженные кремовые брюки и пиджачок, Славик лег в космический корабль, стоявший прямо на рабочем столе, скрестил пальцы на удачу, закрыл глаза и, отворив дверцу скворечника, в проеме которого сверкало маленькое оконце, произнес:

– Абракадабра! – и, неожиданно вспомнив бабок-ежек из мультика про другой летучий корабль,

добавил: – Земля, прощай! В добрый путь! Аминь! – на всякий случай присовокупил мальчик.

И затаил дыхание. Часы пробили ровно двенадцать часов ночи. Все было сделано! У Славика не хватало сил думать о других вариантах событий, кроме того, что этот волшебный корабль, построенный по саженям и пядям мальчика и углам Слави, изрисованная красным торжественная рубашка и его огромное желание и МЕЧТА достичь своей цели обязаны сбыться. Во что бы то ни стало – обязаны!

Однако шла одна минута, за ней другая, и ничего не происходило… Стояла абсолютная тишина, даже море, обычно дающее о себе знать шелестом волн, умолкло.

Славик, казалось, оглох от этого затишья и без движенья. И, борясь в душе с отчаянием, тихонько толкнул дверь вперед, желая вылезти из дурацкой деревянной коробки, в которой уже полчаса ожидал чуда. Дверь беззвучно отворилась, он открыл глаза и его сердце замерло…

Славик даже задохнулся поначалу, словно забыл, как дышать и некоторое время просто изумленно смотрел по сторонам…

Вокруг сверкали звезды. Большие и маленькие. Ослепительные и мерцающие. Близкие и далекие. Некоторые даже можно было потрогать. И на прикосновение они откликались, раскрываясь бутонами неизвестных Славику прекрасных цветов, где на пестиках и тычинках притаились какие-то волшебные существа. Феечки и феи. Похожие на золотую пыль, они с пронзительным писком разлетались в разные стороны, пританцовывая в невесомости.

Когда Славик научился дышать в космосе, его уши, будто откупорившиеся бутылки от газиров-

ки, услышали музыку. Много музыки. Та вихрями и разнообразными потоками проносилась мимо Славика. Когда он научился различать и их тоже, то заметил, что вихри – это невидимые существа, и если прикрыть глаза или закрыть один и оставить другой видеть, то существа из прозрачных становятся видимыми. Несколько единорогов проскакало мимо и резко затормозило, завидев странного мальчика, лежащего в деревянной коробке и плавающего в невесомости с одним открытым глазом.

Наконец, когда и этим Славик овладел, и космос ожил и оказался вовсе не вакуумом, как наговаривал на него учебник естествознания, а был так сильно населен и многозвучен (так вот что означало слово «Вселенная», вдруг понял мальчик, который раньше никак не мог догадаться по тем сложным трактовкам понятий, что давала Википедия), что каждое мгновение открывались какие-то новые его жители, выходившие из ниоткуда, и уходившие в никуда, а на вид казавшиеся незнамо чем, прямо как в загадке для Ильи Муромца… И вот послышалась знакомая мамина мелодия…

***

Славик почувствовал мамино присутствие… Космос изменялся на глазах, стал переливаться всеми цветами радуги, как северное сияние, из ниоткуда возникла та самая грустно-теплая музыка, которая снилась ему и которую бы он не спутал ни с какой другой…

Юный космонавт лихорадочно стал вертеться по сторонам, выпал из своего деревянного корабля,

который, словно тонкий осенний листочек, закрутился в вихрях, уносящих его с космической скоростью куда-то в неизвестность.

Мальчик боялся, что не увидит ее или пропустит, ведь он впервые здесь и может совсем не знать вселенских законов, как неожиданно его, словно мотылька, поймали теплым душистым сачком, и он перестал бултыхаться.

Славик увидел маму и сразу же заплакал, как малыш, хотя раньше, представляя этот момент, давал себе слово вести себя как взрослый. Ее большое розовое, прекрасное лицо, затмившее все звезды, все сияния и весь космос смотрело на него, и огромные кристально-чистые слезы с размером с самого Славика звонко падали вниз, разбиваясь о невидимую вечность.

Он хотел дотянуться до нее руками и потрогать, ведь это являлось самым большим желанием его одиннадцатилетней жизни, но боялся попросить обнять. Мама поднесла ладошку к своему рту, где притаился ее взволнованный сынок, и поцеловала, словно услышав его мысли. Сладкое, невероятно приятное теплое, как солнышко, дыхание чего-то упоительного и волшебного обволокло его, и он успокоился. Славик осознал, мама слышит его, читает его мысли, знает о нем все.

И как только он это подумал, в космосе появились чудесные разноцветные зигзаги ее голоса, от которого затрепетало детское сердце. Хотя мамино лицо по-прежнему сохраняло ласковую, чуть печальную улыбку. Славик сообразил, ей не обязательно говорить, здесь во Вселенной разговаривали на другом языке – языке сердца, доступном всем, у кого оно билось в груди.

– Мой мальчик, – пела своим сердцем мама, – как же я тебя долго искала и как сильно люблю.

Славик откликнулся пылким порывом всего своего существа, что мамочка даже не представляет, как он ее любит, как искал, как хотел добраться до нее побыстрее.

– Я знаю, мой малыш, – она моргнула своими удивительно длинными пурпурными ресницами, а ультрамариновые глаза опять наполнились бриллиантовыми слезами, – теперь ты никогда не потеряешься, – ответила она, – теперь мы навсегда связаны.

Он мог бы так провести вечность в ее теплых ладонях, укрытый ее дыханием и успокоенный ее любящим взглядом. От удовольствия прикрыл глаза и как будто заснул под разноцветные зигзаги маминой музыки. И сквозь закрытые веки видел, что вокруг сначала все смерклось, потом ослепительно вспыхнуло, космос засвистел, затем вновь мелодично раскрылся уже в иной мелодии… Они с мамой куда-то летели, догадался Славик, наверное, увидеть папу.

Ему не хотелось открывать глаза, но любопытство и трепет перед ожидаемым взволновали Славика, и, собравшись с силой духа, он открыл глаза.

То, что он увидел сначала, походило на грандиозное скопление звезд: мириады блестящих точек, мерцающих великолепным сиянием, уходили по спирали в далекую неизвестность. Он вглядывался все больше и стал различать пульсирующий светящийся красным огонек, выделывающий невозможные пируэты, кружась по кривой и как бы заводя звезды в разные ритмичные танцы, от которых они то распадались, то вновь соединялись в спираль.

Славик силился разглядеть, но понял, что напряжение и сильное желание мешают ему. Тогда, закрыв глаза и сделав глубокий вдох и выдох, он расслабился и перестал торопиться. Просто стал ждать, когда все эти сверкающие и мерцающие светила, подгоняемые нервным красным огоньком, разлетятся, а потом опять соберутся под фиолетовые, оранжевые и зеленые, ослепительно-белые туманности в стройную картинку, в которой Славик неожиданно сам для себя различил Огромный Глаз.

Зрачок из сиксилионов сиксилиардов звезд сосредоточенно глядел на маленького сыночка, сидящего на ладони у Слави.

Через некоторое время туманности стали расползаться в неровности, из которых формировались веки и брови, профиль и добрая улыбка Вселенского космического отца Славика.

Нервный красный огонек увеличивал скорость, и послушные звезды уменьшились до едва различимых точек, проясняясь в обширной картинке преогромного человека, держащего на плечах бесконечный мир мегагалактик, которые теперь стали просто кудрями на его вселенской голове.

Титан медленно стал протягивать руку в сторону Славика, второй по-прежнему держа неимоверно тяжелую ношу на мощных звездных плечах, и через время и ураганы, вихри и мелодии, видимое и невидимое, проносившиеся между ними, до мальчика дотронулся огромный палец, размером во всю ладонь мамочки.

Славик не мог поверить и благоговейно, сдерживая порыв, чтобы не рвануть вперед, почтительно перелез с ладони матери на громадный остров-палец отца.

Как только он дотронулся до него, то испытал такое безмерное чувство умиротворения и веры в будущее и во вселенское добро, что понял, папе тоже не нужно говорить. В этот самый миг Славик и был папой, точнее его нераздельной частицей, помыслами и устремлениями.

Мальчик стоял на огромном пальце и ощущал, как под ним нагревается и освещается поле, словно огромный луч света сбросился на него сверху из ниоткуда. Так дарил отец свое внимание и любовь, будто бы в этот миг крепко обнимал сына, сжимал его плечи, не мог насмотреться на красоту и складность мальчика, на подвиг, что тот совершил, на непоколебимую веру в свою мечту, на стойкость и силу!

Хороший, добрый сын, достойный гордости и похвалы…

И юный сынок чувствовал, как от всех этих одобрений становится большим, при этом одновременно оставаясь невероятно маленьким перед лицом безмерно любящего родителя. Славику нравилось это состояние причастности к величайшему и всемогущему опыту, познанному и непознанному, что еще предстояло когда-то пережить, но никогда не догнать, лишь почтительно следовать позади и учиться… Стать еще одной звездочкой, вплетенной в кудри любимого великого отца…

Славик не видел себя со стороны, но осязал и переживал изменения. Так отец разговаривал с ним.

– Славик, – говорил ВЕчный человеЧЕ, – ты должен стать Повелителем Вселенной.

– Да, мой отец, – в благоговейном порыве преклонил колени мальчик, ладонями дотрагиваясь до свечения вокруг.

– Возвращайся на Землю. Там ты будешь расти не по дням, а по часам. И когда будешь готов, собери дружину и освободи свою колыбель. Верни Правду и Справедливость на Землю.

– Да, великий, – всем сердцем, душой и телом отвечал вдруг повзрослевший Славик.

– Мне нужна твоя помощь, ибо что в большом, то и в малом, что снаружи, то и внутри, что справа, то и слева. Так ты станешь Повелителем Вселенной, как я.

Эту любовь родителей к чаду, обожание сына, разговор по душам, невидимый контакт родных сердец трудно было пересказать словами, будто бы в этот момент у Славика открылись новые органы чувств: третий, четвертый, пятый, десятый глаз, три рта, два сердца. И все они говорили в унисон и чувствовали… Славик верил каждому слову, каждой мысли, каждому впечатлению.

Он полностью лег и обнял отца, юношеской щекой прижимаясь к теплому телу титана, истово ощущая, как сила бесконечного переходит к его маленькому существу, которое тоже важно и способно внести существенный вклад в устроение общего мира.

И сила не скупясь, рекой вливалась в него, а он не сопротивлялся, как губка впитывал все, что давалось. И, наполняясь, угадывал знания прошлого и предвидел будущее, послушно соглашаясь со своей судьбой.

– Возьми этот меч, мой сын, – сказала Славь, накрывая Славика своей светлой ладонью, в которой тонкой спичкой лежала деревянная игрушка, – это самое главное оружие, которое может возвысить или сломать любого – наши МЕЧты.

И ее ладонь, нежно накрывая сына, ласково скользнула в ладонь мужа, растворяя Славика и его

деревянного помощника в тепле союза влюбленных сил. Счастливыми они устремились туда, куда неизменно и постоянно двигались вот уже целую Бесконечность.

Глава 7. Мечты сбываются

Славик все еще слышал музыку, но его так нещадно трясли за плечи, что вскоре все пропало, а он открыл глаза и увидел обеспокоенные бледные лица педагогов, директора школы, а на заднем плане взволнованного Бориса.

Славик лежал в своей постели в общей спальне, за окном уже стоял день и светило яркое солнце.

– Вселенский, где ты был? Ты что, сума сошел?! Хотел умереть?! – кричала бледная директор интерната Ольга Васильевна, чья прическа большого и пышного домика разлохматилась от силы, с которой она трясла своего подопечного.

– Славик, ты что наделал? Мы искали тебя повсюду?! – теперь принялась трясти парня Вера Павловна.

– Ты зачем гроб смастерил? – осевшим голосом спросил Александр Иванович.

Потом все разом отошли от мальчика и стали ошарашенно пялиться на него, что-то разглядывая в его лице и облике.

Славик ничего не отвечал, только восторженно улыбался, разглядывая любимых учи-

телей, заменившим ему родителей. Его лицо светилось, словно из него фонтаном лилась какая-то радужная нежность и вселенское счастье… А еще он как-то изменился, будто повзрослел за эту ночь.

Как бы это был Славик, но на несколько лет постарше, плечи стали шире, лицо вытянулось, очертился мужской профиль и подбородок, длинная челка отросла в шелковые русые локоны, красиво уложенные сами собой на белой, изрисованной рубашке, которая пошла по швам, будто стала ему слишком маленькой и тесной.

– Александр Иванович, Вера Павловна, Ольга Васильевна, Светлана Геннадьевна, спешите по своим делам, ведь скоро пожалует комиссия. Вам надо еще многое успеть. А Боря останется сторожить меня, хоть я никуда и не собираюсь исчезать. Все это время я спал здесь, и мне снились удивительные сны.

– А зачем тебе гроб, хулиган? – спросила директриса.

– Это не гроб, это… – Славик прикусил губу и заморгал пушистыми белыми ресницами, – это агрегат молодости. Скоро я вам все покажу. Сами увидите. Настоящее чудо! Нам дадут гранты, Светлана Геннадьевна! Интернат станет самым продвинутым и передовым, Александр Иванович! Сбудутся все мечты, Вера Павловна…

И опять Слава улыбнулся своей фонтанирующей восторгом улыбкой, от которой весь педсостав, легко вздохнув, успокоенно двинулся по своим делам.

– Самородок! – гордо воскликнул трудовик, выходя из спальни.

***

Слава посмотрел на Бориса, растерянно стоящего позади, не знающего, что делать и чего ожидать от бывшего компаньона. Он так перепугался, лично сам оббежал с криками и призывами весь интернат и округу, десять раз был в спальне, смотрел и под кроватью, и в гробу, и под столом, даже под табуретом.

Слава привстал, и только сейчас Борис понял, что парнишка и впрямь изменился и стал даже выше, чем он сам. Теперь Боря смотрел снизу вверх на космонавта. Рубашка потрескалась в плечах и полностью превратилась в лохмотья в рукавах. Бежевые брюки порвались и еле доходили молодому человеку до лодыжек. В этот момент Славик был очень похож на молодого Робинзона Крузо, который попал в кораблекрушение и, его одежда испортилась в борьбе за выживание.

Боря смотрел на друга, и в душе у него что-то происходило, нечаянные слезы выступили на глазах. Он боялся произнести хоть слово, чтобы не расплакаться от счастья, понимая, что у пацана все получилось. Его летучий корабль долетел до цели!

Но, как будущий мужчина, он сдержался, хотя буря из сердца перешла на уставшие плечи и стала расползаться. Чтобы не выдать своего смятения, он закрыл глаза. Тело его стало наливаться какой-то невероятной силой, от чего все мускулы разом напряглись и стали жутко тяжелыми, парень упал на колени перед другом.

– Борис, ведь у нас с тобой все получилось, – сказал спокойно Слава.

И старшеклассник ощутил, что от этих слов новая волна накрыла его, словно сверху нарастала невидимая броня.

Слава достал из-под подушки деревянный меч, по-мальчишечьи вырезанный из какого-то светлого дерева, величественно коснулся сначала правого плеча склоненного товарища, и меч вспыхнул ультрафиолетовым. Потом коснулся левого Бориного плеча, и меч засиял алым, затем оранжевым, зеленым, ослепительно-белым, становясь стальным…

– Мать Есть Честь, Борис, – сказал Слава, весь исполненный каким-то внутренним достоинством, будто возводил товарища в рыцари, – мечты сбываются.

В этот момент он совсем не походил на мальчишку, которого еще вчера знал Боря, да и сам старшеклассник перестал быть хулиганистым пацаном, оба стали как будто взрослыми и серьезными, несмотря на то, что светились юношескими лицами.

– Пришло наше время. Мы должны восстановить Правду на Земле. Готовься к приключениям, мой лучший друг и брат…

– Да, мой Повелитель, – бесстрастно ответил Борис, всю жизнь мечтая услышать именно эти слова.

Содержание

Школьная обязаловка 7

Славная Галя, или Новогоднее Желание 20

Бедная, бедная Саша и бедная, бедная Лиза.....34

Верино счастье 89

Алиса и Волшебный Папоротник.....105

Приключения Славика Вселенского 128